
«Все попытки описать нынешнюю российскую реальность напрямую, языком суровой прозы неубедительны. Не получается серьезного романа о современности. Нужен особый взгляд, особый язык. Такое вот время». Владимир Сорокин /из интервью/.

Павел Козлов

Роман для Абрамовича. Криминальная драма.

«Не презирай молодого самозванца; В нём доблести таятся, может быть....»

А.С. Пушкин «Борис Годунов».

Глеб по утрам всё узнавал из интернета, пока Валера – опытный шофер, перемещал могучий «Мерседес» с невероятной плавностью движения. Взгляд пробежал по свежим новостям, как вдруг застопорился на внезапной строчке.

« Что это..., как – она? - и Глеб перечитал, - Нет, Ольга Ведунова..., вот, на пляже. Все в ужасе. Компания друзей.... Четыре СМИ, надежные обычно. Но ведь Аркадий опасенья вызывал? Его уже лечили больше года....».

Да, Ведуновы, несомненно, общий круг, хотя не скажешь, будто семьями дружили. На раутах, как их зовут? - тусовках, Аркадий с Глебом иногда пересекались. И даже меж собою говорили, найдя в беседах, что сказать, не очень частых, для них обоих положительный момент. И это было так закономерно: ведь за плечами институтская учеба, и, соответственно – широкий кругозор при самой узкой из специализаций. И то, что бизнес их в различных областях - лишь увеличивало области охвата, как частных, так и многих общих тем. И, главное, что были адекватны. Блюли свой бизнес и не гадили другим.

Жена Аркадия, порывистая Ольга, была открыта в проявлении чувств. Она буквально обожала мужа, ей только с ним хотелось находиться. Но у неё хватало и ума, чтоб быть всегда на грани приближенья, и никогда ему не докучать.

Её пленила, как бы, «царственность» Наины, и был период, когда женское общенье на очень долго занимало телефон. Не с тем, чтоб осуждать всех и порочить – они делились взглядами на жизнь, как это ни звучит высокопарно.

Но жизнь из них не сделала подруг. Наина - лет на десять помоложе, и бизнес-леди – турагентство на плечах. И несомненное различье интересов. А вряд ли это повод для сближения – в обеих семьях не было детей.

А год назад пошли такие слухи..... Что, мол, Аркадий бедный умирает, и у него диагностировали рак.

И, правда, если кто-то мельком видел, то говорили – «безнадёжно плох. Весь высох, как в анорексии». И это было темой разговоров, пока кончина всё «откладывала» срок, и вышла в категорию - «болеет».

А тут, как будто, на поправку он пошел, в глазах порой светилась радость жизни. Ольга возила к видным медикам в Израиль, потом в Швейцарию лечиться отвезла.

Оттуда он явился в лучшем виде, хоть был, как при болезни, очень худ. Из глаз совсем исчезла обреченность, готовился приняться за дела. Ну, а у Ольги со здоровьем всё в порядке, о чём всегда твердили доктора.

Они решили две недели отдохнуть и вылетели на Бали с друзьями. Аркадий был не в тягость никому, и Ольга от всего оберегала. Через два дня уже обратный рейс.

И Ольга умерла вчера на пляже. Так интернет жестоко сообщал.

Аркадий возвратился с грузом «200» – название гробов при перевозке. На вскрытии смотрели все врачи, и, как один – остановилось сердце. А вот причину не определили, но всё же разрешили хоронить. «Причина смерти будет ясной через месяц» - таков был окончательный вердикт.

Так Ольга бедная стремительно ушла. А на дворе стоял конец июня.

Скорбящий муж держался молодцом. Он при прощании стоял у изголовья и не спускал с подруги верных глаз. И, может быть, и слышал разговоры: «его лечила, а себя не сберегла». Но реагировал ли как-то - неизвестно. Он ни о чем, ни с кем не говорил.

Наина с Глебом приезжали в крематорий, где было множество знакомых и друзей. Не столько горе всех объединило, скорей внезапная стремительность ухода. И большинство такую кальку смерти невольно примеряло на себя.

- Вот, кто уж точно, и не думал умирать, - Наина грустила о подруге. – А ты заметил – и Васильев тоже там.

- Так это он с Аркадием возился! Как Ведунов теперь без Ольги будет жить?

Но предсказать развитие сюжета, наверно, не составило труда.

Работать Ведунову не пришлось – недуг дремал, но с горем – обострился. Теперь о «химии» - какая может речь? А, значит, и Израиль бесполезен. В Швейцарии был знаменитый врач, который пользовал разбогатевших русских. К нему немало ездило людей. И в обиходе у лечившихся там дам уже сложилось сочетание слов: «волшебный, дорогой Артём Семёныч».

Но и кудесники, увы, не могут всё. Но не с тоской, иль горьким сожаленьем окончил жизнь Аркадий Ведунов. Он умирать на Родину приехал. И непонятно, то ль благословить, и на могилу своей Ольги наглядеться? Он умер в полном здравии ума, все, что имел, в своей последней воле какому-то он фонду отписал. Чтобы спасали жизни неимущим.

Глеб и Наина, как вернулись с похорон, в заботах что-то перевероршили, и незаметно наступило время спать.

Глеб, как обычно - сразу провалился, Наина тоже начала дремать..., как... встрепенулась. Замерла, насторожённо. Чтобы понять, откуда вдруг испуг.

И стало ясно - надо бить тревогу.

- Да что же это, просыпайся, наконец, - в волнении затеребила мужа. – Ну, слава Богу. Ты послушай, что за жуть.

Ночь окружала их глубокой темнотой. Наверно ветер, как заботливый пастух, согнал всё стадо туч, чтоб спрятать звёзды. И ветер женским голосом стонал, протяжным «А-а-а» на всевозможных нотах.

- Чёрт знает что, - пришёл в сознание Глеб. – Да кто же это женщину так мучит?

Возникла мысль связаться с комендантом. Глеб выговорил, чтобы откреститься.

- Вот этого нам только не хватало.

- Как будто рядом..., - вдруг Наина поняла, - Наталья Балк - там что-то происходит.

- Звони им, – Глеб уже негодовал: на вопли, на жену, на бестолковость.

- Родители как будто на Мальдивах. А дочки я не знаю телефон. Пошли Валеру, чтобы разобрался.

- Не тот момент, чтобы кого-то посылать. Я сам пойду и захвачу шофёра. Как позвонить в полицию, куда?

- Не надо местным. Набери 02. Они сообразят, кого направить.

Супруги впопыхах спустились в холл. И Глеб уже успел позвать шофера.

- Я тоже слышу: то затихнет, то кричит – Валера влился в общую тревогу.

Дом Балков был направо, по соседству, и адрес криков без сомнения нашли.

Они прошли к калитке, где звонок, и блики их светящегося дома гуляли в стеклах окон дома криков.

- Вот, слышите! То стихнет, то опять – к чему-то продолжал шептать Валерий, когда все слышали причину беспокойств. Наина шла с мужчинами на голос. Она и надавила на звонок.

Развалом звуков серебристого звучанья в ночи возникла переливистая трель, и угодила на момент затишья, и, видимо, встревожила кого – минуты шли, а крики перестали.

И вдруг, в окне второго этажа внезапно обозначилась фигура, но снизу непонятно было – кто? И тихим голосом взволнованно спросила:

- Что вы хотите?

Задала вопрос. Как будто к ней рвались и разбудили. Хотя сама кричала, может быть. Да, впрочем, кто там их, соседей знает?

- Кого у вас там кто-то убивает? Такие крики, мы звонили в МЧС, - Глеб разговаривал, как с пьяным хулиганом. Наина вскрикнула:

- Наташа, это ты?

Наполовину притворив окно, и собираясь полностью захлопнуть, фигура выдохнула: «Я...» - и замолчала. Потом обескуражила вконец, - «Мне хорошо», и тихо створки заперла.

Усталые ревнители покоя минуты две ещё переминались, потом они отправились домой. Ночь не спеша забрезжила рассветом, шаги звучали диссонансом тишины.

- Ну, идиотка, ничего не объясняет. В милицию бы надо написать – Глеб злобствовал, что скоро надо в город. – И, главное, полнейшее безлюдье, как будто только мы и этот дом. Все спят, и никому совсем нет дела.

- Да просто рядом и открытое окно. От этого мы так и всполошились, - Наина высказала мужу и себе. Но думала вправлять мозги мерзавке.

- Так вы, как и уславливались, в семь? – Валера уточнил во избежание.

Глеб буркнул: «Едем в восемь», и ушел, обняв, чтоб успокоиться, Наину. Но не было тревог у бизнес-леди – она разобралась в ночном безумии.

Второй этаж в особняке Наины был с балюстрадой эбонитовых фигур, как оберегов внутренней террасы, куда был выход только лишь из спальни. Читался замысел решить всё в арт-деко, но то ли так и недозавершили, и это было тоже ничего. Здесь было хорошо мечтать о неге, а этим утром, так случилось, наблюдать. Участок Балков был как на ладони, но будто вымерший, и ждать стало не в мочь.

« И чёрт с ней, как увижу, так узнает, как по ночам покоя не давать. И, всё-таки, кто с нею бултыхался?», - Наина было двинулась уйти, когда подъезд у Балков отворился.

Наташа, лет семнадцать, минус-плюс, на выходе смотрелась, как подросток, без марафета, и одета в сарафан. И только белизна тепличной кожи, да черные круги её

глазниц будили мысль об ишемической болезни. Но уж Наина знала - отчего - бледна Наталья и развинчена в походке.

За нею следом вышел кавалер. Нельзя сказать, чтобы особо броский. Но было что-то в этом удалце, взгляд на него мог вспыхнуть интересом. По виду трудно разобраться, сколько лет, но больше двадцати пяти никак не будет. Вся с сантиметр прическа головы, и волосы смотрелись жесткой шерстью, имея рыжий, тусклым золотом окрас. Наверное, они пошли б кудрями, не состригай хозяин так нещадно. Лоб был высок, но сужен от висков. Лицо хранило мощную небритость, как бы границу битвы с бородой. Нос был, пожалуй что, довольно удлинен, но гармоничен с формой головы. В глаза с разрезом древним ассирийским вкрапились чудом серые зрачки.

Всё так детально следопытка разглядела, когда случайно пару догнала. В конце их улицы расположилась площадь. Не площадь, так, развязка для машин. Но там как раз и были магазины и в общем-то приличное кафе. Тем утром вовсе не было народа. Наталья с парнем двинулись туда.

Наине тоже захотелось кофе.

Наталья встретила по ней скользкий взгляд, когда уже усаживалась в кресло. Не поздороваться девица не могла, хотя навряд ли знала даже имя.

- Ну, как твои, Наташа, отдыхают? – простой заход начала разговора Наина без затей произнесла.

- Да, им там нравится. А вы что не у моря? – Наташа глянула, чем дышит её друг. А тот в упор разглядывал Наину, сощурился глаз и чуть скривив губу. Потом сел в кресло и к Наталье обратился.

- Будь вежлива и приглашай подругу. Вы может к нам присядете на чай?

-Ну если только я не буду в тягость. Расскажите, чем юность нынче дышит. Я вот Наташина соседка, как-никак.

- Да, познакомься Рома. Мы - соседи, - замялась девушка, не зная, как назвать.

- Наташенька не часто здесь бывает. Вот и не помнит, что меня зовут Наина, - сказала женщина, и по глазам прочла – Наташа хочет отчество услышать. Но Рома уже принял эстафету.

- Какое счастье, что меня зовут Роман, а не Руслан, как в опере у Глинки. Тогда бы повод опасаться вас, как там поется: «по велению Наины».

- Нет, я другая. Я от слова «nine». Моя прабабушка, так вышло, англичанка.

- А мой прадедушка в Бразилии живет, - сказала неожиданно Наталья. - Вернее, не живет, а умер там. А в революцию вёл бой за Петроград.

- Какая тема в ожидании чая, - Роман обвел присутствующих взглядом, - тогда и я подробнее представлюсь. – Он как бы вырос сидя за столом. - Мой дядя раньше нефтью занимался. Теперь политик, даже в Лондоне живёт.

И как конец официальной части к ним юноша пришёл принять заказ. Наина разрешилась очень быстро.

- Я буду кофе, а ребята что хотят, - официант почтительнейше слушал.

- А мне, пожалуй, фрукты..., чёрный чай.... И торта лёгкого ещё хочу кусочек.

- А я, мне кажется, сейчас бы съел быка. Яичницу, два тоста, много сыра. И принесите кофе с молоком.

Наина поднялась: «Я на минутку», и растворилась в глубине кафе.

- Зачем ты пригласил зануду эту, - Наташа сразу начала шептать. – Я и знавать её совсем не знаю. Лишь то, что рядом с нами ихний дом. Они нам этой ночью и звонили.

- Тем более должны поговорить. Тебя, ей богу, вовсе не убудет, а ей, я вижу, любопытно, что и как. Да и какая же зануда, тоже скажешь. Я вижу в ней глубокий острый ум.

- Поэтому слюною весь исходишь. Хоть бы при мне других не раздевал.

- Тебя, мне кажется, совсем не обделили, - Роман прикрыл глаза, как отдыхал. Наталья думала, что это будет ссора. А вышло так, как будто ничего.

«Ведь я его практически не знаю. Но так хочу – не ровен час спугнуть». И разговоры прекратила – будь что будет.

«Зануда» уже двигалась по залу. Как и задумано – явилась, не спеша, и проплыла заливом барной стойки, вся отражаясь в берегах витрин.

Наталья искоса взглянула на Романа: он этот выход, несомненно, оценил.

- Теперь, позвольте, я тоже вас покину. Умою руки, чтоб погиб любой микроб, - поднялся Рома, как Наина села, - того гляди и завтрак принесут.

И будто в три прыжка исчез из зала.

- А кто, скажи мне, этот Рома у тебя? – конечно сразу же, но очень равнодушно, Наина бросила, чтоб паузу занять.

- Его все называют Абрамович,- Наташа медленно расправила салфетку, - но только он просил не говорить.

- Как то есть так? Какой-нибудь племянник?

- Не знаю я. Спросите у него.

- А что ты ночью так, скажи..., звучала?

Наина пристально Наташу рассмотрела, и почему-то ей на ум пришло сравнение с тёмной панночкой из «Вия», которую взнуздal тот хлопчик Брут. Простоволосая, с кругами под глазами, на голом теле из дерюжки сарафан, она ждала, когда придет избранник, чтобы соитье утолило страсть.

- Я и не знала, что такое может..., - Наташа мысли вслух произнесла. Но вдруг опомнилась, - вы, это, извините. Кто знал, что там открытое окно? У нас везде стоят стеклопакеты.

- Так это чувства так разбушевались?

- Он был неистов, как Виссарион, который из истории известен. Так никогда не наслаждалось тело.

- Какой ещё такой Виссарион? Мне незнаком такой герой-любовник.

Наине вспомнился из школьных лет Белинский.... Наталья вышла, Абрамович сел за стол. Наине бросилось в глаза, как парень жилист, и мощь покрытых рыжим пухом рук.

- Роман, ведь я могу так обращаться? А вы живете где-то тут у нас? - они впервые встретились глазами и оба твердо выдержали взгляд.

- Сегодня – здесь, а завтра – где я нужен. Но свой ещё себе не создал дом.

- Я не имею права на вопросы, но что-нибудь хочу узнать про вас.

- Я - недоучка. По призванию – коллектор. А есть желанье – мы поговорим.

Уже всё красовалось на столе к моменту возвращения Натальи. Никто не поднял тему разговора, возникла глупая неловкость тишины. И, тонко чувствуя условия момента, Наина наострилась уходить.

- Наташа, ты зашла бы по-соседски. Как соберетесь, ты и кавалер.

- Да, я не знаю. Разве – по-простому? Но слишком хлопотно – у вас семья, и муж.

- Глеб послезавтра в Ригу уезжает. Так вы подумайте. Не станем назначать.

И удалилась, словно на прогулке. Наталья с Ромой ей смотрели вслед.

И он в задумчивости гладил подбородок.

И то, что вслед смотрели – не случайно. Бывало, на неё смотрел весь свет, когда плела сквозь подиум походку. Во всех глазах читалось: «Хороша!!!» И Глеб тогда решил: «Моею будет». А от решений он не отступал.

Наина, как вернулась из кафе, прошла к компьютеру, как одержимый блогер – она любила думать и писать. На этот раз пошли воспоминанья.

« Наина девочкой приехала в Москву, как только школа кончилась дипломом. В буквальном смысле этот документ дал право на заветную свободу. Она держала парочку подруг, как бы эскорт для поступления в ВУЗы. Но это нужно было для родных, ведь все в столицу ехали учиться. Отец её не вышел провожать, а мать, пустив слезу, перекрестила.

В столице поступила в РУДН, на факультет гуманитарно-социальный. Не то, чтобы она хотела стать специалистом по истории России. Но, по запросам внутренним души, Наине нравились серьёзные названия того, что предстояло изучать, и представляться в случае знакомства: «Я разгребаю Русь дорюриковских лет».

Иногородних поселяли в общежитье, снималась боль искать в Москве жильё. Вообще, была двоюродная тётя, расплывчатая мамина родня. Но на звонок племянницы из Томска позвать для встречи своим долгом не сочла, и больше ей Наина не звонила.

Она тогда была дородная девица и впечатляла кровью с молоком, во всю мощь юности в её игрившем теле. Она гордилась тёмно-русою косой, но, кто бы знал, как тяготилась ею в кругу остриженных, залаченных подруг. Но, видно уж, такой вот уродилась, что самобытность не рядила под стандарт. Отец, как уезжала, был уверен - в Москве испортится, отрезанный ломоть. А мать-то думала – настырная дочурка. Её не сломишь, всё по-своему решит.

Да, не сломили, но настолько закрутили, что не делами древних предков занималась, а собственной историей своей.

Анжела с Кубы и вьетнамка Цзой Чуа с ней вместе поселились в общежитье. Кубинка – очень яркая девица с неброской долей негритянских черт, прекрасной кожей, как молочный шоколад, имела прозвище «весёлая креолка», и очевидно было - почему. Миниатюрная вьетнамка Цзой Чуа с лицом отточенной восточной красоты, когда не проявляла лишней прыти, и для солидности смотрела сквозь очки, она себя считала Йоко Оно. И был любовник, русский гитарист.

Нельзя сказать, чтоб девушки дружили, но их соседство тягость не несло.

Рок-гитарист хотел придти с друзьями, взять девушек куда-то посидеть. Вьетнамка очень сильно приглашала: «Вот вы увидите, что парни хоть куда». Она по-русски складно говорила, когда старалась – не сюсюкала совсем. Ну, а Анжела русский изучала, и, право, ей давалось нелегко: «Давай попробывать на встречу с кабальеро. А то – тристеа..., как ты скажешь – грусть».

И вот, рок-гитарист пришел с друзьями, когда условились под вечер в институт. Он сам себе лепил богемный образ, по плечи волосы, и в свитере, в джинсах. А вот друзья, особенно Владимир, смотрелись, словно деловые господа. Владимир, так и есть, он был продюсер, а третий стал Анжелы кавалер.

Наина волосы пучком большим собрала, как у какой-то итальянской из актрис, а строгий деловой костюм английский после занятий не пришлось переодеть – ребята сразу с лекций их забрали.

- Ты будто бы из офиса и в офис, - Владимир улыбался на губах, но взгляд был изучающе серьезен, - не все так строго ходят в институт. –

И тут Наина поняла, что нужно правду.

- Я, видите ли, сэр, провинциалка, в Москву приехала учиться жизнь узнать.

- Вот это, девушка, сказали вы достойно. Да я и сразу понял про тебя. –

За столиком попарно раскололись, все разговоры были как бы тет-а-тет.

– Ты, что сказать Наина - высший сорт. Вот только имя это странное напрасно.

- И что меня судить, как кобылицу? Какой-то странный ты, столичный кавалер. И в паспорте моём такое имя. Прабабка наказала так называть.

- С момента встречи ты мне нравишься ужасно. И я серьезно говорю, а не кадрюсь. Ведь если б приставал, послала сразу?

Наина очень странно посмотрела, что он не понял, всё ли сделал так.

Меж тем продюсера Наина рассмотрела, и он ей показался ничего. Одет без новомодных наворотов, причесан строго, без разболтанных манер.

- Ну, просто, неожиданно, прабабушкина внучка, такое имя при знакомстве услышать, - Владимир грамотно фундамент подводил, чтоб строить здание дальнейших отношений. – Наина, я работаю в программе по подготовке зимнего показа известнейших российских модельеров, несу ответственность за кадровый вопрос. Короче говоря – подбор моделей.

- А я с известными персонами копаюсь – как Юрий вдруг случился Долгоруким, и Мудрым наречен был Ярослав. И как на княженье позвали к нам варяга, - Наина не пошла на поводу.

- А ты как раз свой нестандартный имидж могла бы привнести, как ретро-всплеск. На подиуме, в соболиных шубах....

- Вы извините. Здесь так душно. Я сейчас. – Наина помнила – метро не далеко, и скоро оказалась в общежитии, послав до этого Цзой Чуа эсмэс: «Внезапно схваченная головною болью прошу довеселиться без меня».

«И что же, они все здесь так считают, что из провинции так сразу на панель», - лениво перекатывалось в мыслях, пока в домашний облачалась гардероб. Удобный, мягкий, из фланели, свитер, и, на размер побольше, джинсы стрейч.

Запел призывно голос телефона.

- Наина, что же это так исчезли? И только и узнали, что Владимир. Я у подъезда. Пять минут поговорить.

И он уговорил пойти в кафе, что оказалось совершенно рядом. И стать моделью больше не манил, а что-то разное рассказывал так живо, и было интересно и легко.

Коктейль.... Потом немного танцевали на небольшом пространстве в полутьме. Наина чувствовала жаркий трепет рук, но поцелуи охладила твердым: «Хватит».

- Тогда ещё немного посидим.

Ну, что ж не посидеть, когда есть время, и спутник - «на дистанции» - неплох. Он сам от бара вновь принес коктейли. Ей так понравился из шейкера напиток, она пила и думала: «Нектар». Пока Владимир распылялся в байках, она бокал опустошила до конца.

- Жаль только - ты до танцев не охоча, - сказал продюсер, и коктейли обновил.

- Я? Не танцую? – тут Наина возмутилась. - Да всё, что хочешь, абсолютно без проблем. Сейчас я покажу им наше «диско».

Наине выкроили метры на танцполе. Она, действительно, куда как хорошо сливалась с музыкой своим пластичным телом. Володя рядом с ней не стушевался и взлягивал забавно, «гогольком».

Во что Наина приделась в общежитии, ей помогало двигаться свободней. Как будто по дороге с тренировки гимнастка с тренером расслабиться решили и заскочили в музыкальный бар.

- А как бы побеседовать с тобой? - Владимир резким поворотом головы едва ловил её перемещения.

- Ну, что же, я узнаю, как у нас, - Наина быстренько связалась с Цзой Чуа. И больше слушала, и изредка кивала.

– Они сейчас в подвал решили ехать, где Цзойкин гитарист привык играть. – Наина, всё-таки, подумала секунду. – Ты хочешь? В общежитие пойдём. И можем говорить до их приезда.

Она продюсера охотно пригласила. Вдруг, неожиданно, весь мир стал так хорош, Наина (как сказать?) раскрепостилась до ощущения, что все кругом свои. Танцуют, словно в день Иван Купалы, и скоро будут прыгать сквозь костёр. Мозг просветлел и мысли стали шире.... Продюсер - вообще, как лучший друг....

С Владимиром её свела судьба. И ей - на подиуме, в соболиных шубах..., а почему – представилось – не быть? Когда другим девчонкам из глубинки уже так сильно в жизни повезло. А он – пусть не Владимир Мономах, а только начинающий продюсер. Так значит ещё время не пришло. Смотри, как улыбается зубасто.

- Возьми шампанского, уж больно хорошо.

На вахте женщина, не поднимая глаз, воткнулась в глянцевые новости журнала. Наина отомкнула дверь ключом. Владимир, не включая верхний свет, дверь аккуратно запер на задвижку.

Размытый в окнах уличный фонарь чуть приглушил убогость спальни общежития.

Наина не хотела понимать, всё колебалось в море ощущений. Какая разница, кто так её ласкал, что плоть изнемогала от блаженства. И вспышки света возникали в голове. Они синхронно шли с биением пульса, а сердце колотилось всё сильнее. Неудержимо расплылось сознание по всей вселенной от наката волн. Казалось, что душа уйдет из тела....

Ну, а потом, как будто резкий окрик. И этот привалившийся «козел».... Ей было мерзко, он делился впечатленьем:

- Вот здорово, что ты была не целка. Я думал – девушка, а ты у нас орёл. Глоток шампанского.... А ты сама не хочешь?

Наина не могла осилить дрожь. Всё сбывшееся представлялось бредом. Когда бы только не мутило сильно и голый тип с объятями не лез. Она припомнила, что где-то есть подруги, и могут очень скоро подойти

- Который час? - прошевелили губы.

- Да нет ещё одиннадцати, вроде. Да что ты, цыпочка. С тобою хорошо.

Он вознамерился опять предаться ласкам.

- Нет, нет Владимир, уходить пора, - сказала девушка и стала одеваться. – Всё так внезапно, я разбита и пьяна.

- Ну что ты, дай немного приласкать, - Владимир жадно устремился к продолжению. Наина выдержала долгий поцелуй.

- Володенька, всё было хорошо. Но ты, пожалуйста, иди. Я так устала. И девочки того гляди придут.

И он послушался, решительно оделся. И, как прощаться, высказал слова:

- Ты не подумай, я не просто разрядиться. Я говорил тебе, что ретро-стиль..., я понял, ты совсем не как другие. Во сколько завтра мне придти встречать?

«Сейчас стошнит, - подумала Наина, - а, в самом деле – почему не кавалер?»

-Обычно лекции кончаются в четыре.

- Тогда я в это время подойду.

К двенадцати подъехала Анжела, вьетнамку гитарист не отпустил. Кубинка бурно источала темперамент, и ей хотелось всё с Наиной обсуждать.

- Мой мачо очень, я считаю это –« лярго», по-русски надо - «медленно» - сказать. У двери только мучо-мучо бесса ми.

Наина пряталась в подушку и молчала.

- Я здесь - не понимаю – как с «amore»? – Анжела как бы говорила в пустоту. - У нас всё проще – если нравится – давай. А ты что уложились – заболела?

И тут Наина поняла, что рассказать, как всё случилось можно лишь Анжеле, с её простою доброю душой.

- Не знаю, я всегда настороже, но только допила второй коктейль, в меня как будто бес какой вселился. Всё стало праздником, хотелось полюбить. И куролесить, и с парнями обжиматься. Но я, поверь мне, берегла себя всегда. Наверно – мама преподавать сумела.... И тут – случайный незнакомый гость..... Короче – раскрутил меня продюсер.

- Он..., что же это? – вскрикнула Анжела. – Как это в русском? Fuck you? В первый раз?

- Да, вроде этого. Я и сама хотела..., но только непонятно – почему? И, почему-то, не «дождался крови». Но я же девушка! Не знаю - отчего. Открыл ворота, но не занял крепость. Я в летопись свою пока конспектом такую мерзкую страницу запишу. День практики предмета «Школа жизни».

«Как хорошо, что, ты имеешь опыт. - Он поделился после близости со мною. - С невинной девушкой пошли бы охи-ахи».

Наина зло прищурила глаза, рот сморщился презрительной гримасой. Её по-прежнему не отпускала дрожь, но в двух словах свела события до точки.

- Как, не поймешь, с чего пришло веселье - так резко превратилось в отвращенье. Насилу вытурить продюсера смогла.

Анжелу, всё-таки, сомненье тяготило – или она неверно поняла?

- Ты говорить, что не была с мужчиной, и эта «мачо» тебя «факал» в первый раз?

- Да этих «мачо» у меня на даче! Нет, я, «амига», не гнушалась парней, хотя была разборчивой, конечно. Всё дело в том – прабабушка Агата мне завещала «флауэ» беречь. Она цветком ласкательно звала, что между ног у нас с тобой, подруга. Вот я и сдерживала: «только не туда».... Так что продюсер первым оказался. Хоть почему-то получилось всё не так....

Кубинка всё осмыслила, сметливо, и дальше подняла другой вопрос.

- Так он коктейли.... А вино ещё не всё? Посмотрим, - и отважная Анжела влила шампанское в себя одним глотком.

И после минут сорок говорили о девичьем своём житье-бытье, и что быть очень осторожной тоже плохо, и можно своё счастье прозевать.

- Да, эта девственность..., я так, на удивленье.... Ведь все же знают, что бывает кровь. Быть может, что со мною не того? Какого это вдруг, скажите, чёрта?

А тут как раз Наина замечает - Анжела вот-вот «прыснет» от души, такое вдруг веселье наступило.

- Да, что же ты креолка угораешь? Я видишь в горе, ну а ей смешно.

В испанско-русской речи Анжелитты, взогретой тем, что допила вино, Наина выкроила роковую суть и так перевела её на русский.

- Так он тебе коктейли приготовил? И ты смеяться захотела и любить? Да, кабальеро, ты у нас затейник.

- Да, что ты? Можешь толком что сказать?

Анжела, в паузу, икнула, и сказала:

- Он накачал тебя «наркотиком любви». Про этот экстази давно все в мире знают. А ты-то, по-английски это - «dark». Такая взрослая, но тёмная студентка.

С испанским текстом: «Век живи и век учись» всучила томской девушке брошюру.

 Наутро, вместо лекций в институте, Наина выяснив, где лучший гинеколог, отправилась прямёхонько к врачу.

- Вы, девушка, понятно – удивились. Но всё у вас, поверьте мне, в порядке – сказала К.М.Н. доцент Щеглова, как представлялся врач табличкой на двери. – Быть может расхождение размеров. Ну, вы представьте, если в ножны для меча пытаются кинжальчик приспособить. А вы бы привели с собой мужчину. У нас андролог знаменит на всю Москву.

- Так значит я по-прежнему девица? – Наина слышала слова специалиста, но важно было правильно понять.

- Я вижу, что вы с мужчиной отношения я вас случились где-то семь часов назад. И я пишу вам в карточке, что девственная плева слегка растянута, хотя разрыва нет. Быть может членом кавалер у вас не вышел, или сама вы эластичный материал. Ну, что? Теперь, быть может, по латыни? – и доктор как бы вся заулыбалась, как утешая грустившего ребёнка. – Жених ваш, что ли, укорил во всём, что до него уже с другими были?

- Какой жених!!! Я это для себя, чтоб знать, как вы сказали: «Всё в порядке».

- Но, я надеюсь, вы предохранялись?

- Какое там.... Негаданно стряслось....

- Тогда я вам анализы назначу. Чтобы инфекции какие исключить. И наблюдаться надо, тесты делать....

- Так ко всему я может залетела?

Врач мысль вложила в выражение глаз, и подкрепила ясность тяжким вздохом.

Наина, пока ехала обратно, продумала немало, и решила, что первым делом надо разузнать: «Если «туфта» всё про модельный бизнес, тогда другой придётся разговор. Но если в предложении доля правды, что ж, я попробую померить соболей, когда ты предлагал мне в них работать. Посмотрим, что за птица ты, Володя, в какой с тобою мы отправимся полёт».

И в четверть пятого из института вышла. Её не ждали. Но, как только осмотрелась, так поняла, что тот мужчина у машины, призывно машущий, со шляпою в руке, сомнений не было – искал её вниманья.

- Богатым будешь, - она скромно улыbnулась. – Сегодня ты такой солидный господин. Как величать – Владимир...? Как же дальше?

- Садись в машину. Тебя тоже не узнать. Ну, как же, без английского костюма! И как прабабушка так отпустила вас? – и осторожно, как Наина села, он дверцу «Лексуса» за нею притворил.

- Так, что мы, в ресторан перекусить? – непринуждённо предложил Владимир. - А хочешь – всё берем с собой на вынос, и отобедать можем дома у меня?

- Нет, ты прости, мне как-то неуютно. Давай куда-нибудь отправимся в кафе. Есть, думаю, о чём поговорить.

Владимир выехал на Ленинский, в густой поток машин, и очень вяло двигался по ряду, где троллейбус. И заведение с названием «Кофе Хаус» увидели совсем невдалеке.

Вчера Владимира Наина впечатлила, как только встретились и стали говорить. Она, действительно, была неординарна породистым лицом и простотой, доступной разве только светским львицам: продюсер мог их наблюдать издалека.

А тут – вдруг - будто этот светский лоск, как дар врожденный, был присущ провинциалке. Она умела быть сама собой с таким достоинством, что оторопь брала. И он вчера, чтобы вконец не стусеваться, сначала выпил для решимости коньяк. Ещё добавил по дороге к общежитью, и вместе с «экстази» привел её к экстазу. Хотел сегодня закрепить успех, доставшийся без видимых усилий. Она, должно быть, ожидала продолженья раз на свиданье как условлено пришла. -

Однако, наслаждаясь чёрным кофе, провинциалка с благородной простотой обрисовала ряд серьёзных обстоятельств, в свете которых она видит «продолжение». Чтобы сегодня на стремительном романе, меж ними вспыхнувшем, не ставить жирный крест.

- Ты мне, Володя, даже очень симпатичен. Но я приехала в Москву устроить жизнь, а не раздать себя направо и налево, - девица пристально смотрела, как продюсер отреагирует на смысл слов и взгляд. В его лице ничто не изменилось. – Про подиум всё это - болтовня?

- Нет, я действительно всем этим занимаюсь. Но, раз уж вышло, что у нас с тобой любовь, я свою девушку сто раз предостерег бы, перед решением спуститься в этот ад.

- Ну, насчёт девушки своей, так это смело, – с достоинством заметила она. - И почему вчера описывал как рай? И в соболях? А нынче - ад кромешный?

- Там все дела идут через постель, посадят на жестокую диету. А выйдешь ли ты в звезды – вот вопрос.

- А ты что, очень маленькая сошка? Ведь ты со мною, если помнишь, спал. Кто может отобрать твою модель? Я не из тех, кто полостью доступен. Так и попробуй из меня зажечь звезду, и будешь рядом, когда выйду на орбиту.

И он подумал – может, верная идея? В славянской красоте провинциалки особенная гармоничность черт и без косметики несла очарование. Фигуру разглядел ещё вчера – прекрасно сложена, немного полновата. И, очень важно, без сомнения умна. Да и готова стать его «звездой».

- Ну, надо пробовать, - решительно сказал, - раз ты решила - хочешь в этот бизнес. Но, вроде бы, у нас с тобой любовь?

- Любовь – не траханье на койке в общежитии. Я люблю, когда полюбишь ты. А для разрядки - столько женщин на панели. Подбрось меня, Володенька, домой. А ты пока подумай, что и как.

Когда приехали, куда она просила, из лимузина выбралась сама.

Да и Владимир не испытывал порыв выскакать и открывать ей двери. Наина медленно прошла вокруг машины и обозначила намек на поцелуй.

Продюсер в это время был уверен: « Любовь? Да, боже мой, какая хрень. Дать выпить, пару слов - и «накормить». Вот вся тебе премудрость и наука. А у «прабабушки» ещё амбиций тьма».

Когда ж глазами проследил её уход непринуждённой царственной походкой, решил, что пусть примерит на себя столь привлекательную многим роль модели. И, если поймёт в ней успех, то он сумеет записать себе в заслуги.

И позвонил Алине, чтоб ждала – не пропадать же вечеру впустую.

Свою Наину наш продюсер взял на кастинг, когда «вершители всех судеб» собрались, чтоб отобрать достойных претенденток. То был совсем не разношерстный общий смотр. Все кандидатки для дальнейших дефиле уже прошли до этого показа, как говорится в их кругах, «хождение по мукам». Присутствие маститых воротил дало Наине, вправду, ощущение, как в историческом понятии «дефиле»: в ущелье меж нависших грозно склонов. Она не шла – плыла с прямой спиной, почти что выключив колени стройных ног, с как бы растущими из пяток каблуками. И застывала на момент в величии поз на пике грациозных разворотов.

- И где ты эту Артемиду отыскал – дивился Шац, создатель лучших фотосессий. – Я с ней хочу коллекцию Тарасовой отснять, и, может, что ещё. Ты как, непротив?

Владимир, как «заводчик» протезе, так даже «критику» себе слегка позволил.

- Ей надо бы немного похудеть. А так, конечно, нестандартная красотка. Я, Игорь, в своём роде астроном. Тут не везение работает, а поиск – такую «лебедь белую» надыбить....

И горделиво руки свёл на грудь, «наполеоном» поднял подбородок.

Наину взяли на показы «от кутюр», она всё делала - «как скажет мой продюсер».

Владимир и загадывать не мог такой ошеломительной удачи.

Стремительно возникшая модель перед сознательно продуманной диетой опять сходила к К.М.Н. Щегловой, и результат похода был жесток – в ней стало развиваться вражье семя. Раздумий не было, как надо поступить. И в память сердца залегла закладка.

- Ты, это, Шубина, фамилию свою хотя бы на показ мехов сменила, - ей посоветовал Владимир, как узнал её Ф.И.О. при оформлении договора. – Давай, ты будешь Шуйская – пойдешь? Ведь это же звучит, Наина Львовна.

И обнял так, что ясно, что хотел. Она из чувственных объятий не рвалась, только руками в грудь его уперлась и выразительно уставилась в глаза.

- Из всех достоинств, главное – терпенье. – Напомнила она в который раз. - Не знаю, кто-то там считает так. А в нашем случае, я знаю, что подходит. И чувствую, что ты почти готов.

И тут он так настойчиво прижался, свою «готовность» придавив к её ноге. Наина вывернулась, и на расстоянии сказала шепотом надежды и любви:

- Володя! Чтобы чувство шло из сердца! Я вижу, что ты сможешь полюбить.

Глаза у девушки мечтательно блестели, дыханье трепетно приподнимало грудь, рельеф которой делал свитер тесным. И даже в шаге расстоянья нежность кожи пьянила в одурь и огнём вскипала кровь.

Меж тем Наина рассказала «кабальеро» свои решения в практических вопросах, и попросила ей немного подсобить.

- Я, знаешь, ухожу из РУДееНа. Мне посоветовали и нашли квартиру. В Филях однушка, и не очень много просят.

- Да, не проблема, я с деньгами помогу.

- Нет, мой продюсер, я не содержанка. Нельзя ли что-нибудь вперед из денег взять, что в договоре есть как гонорары?

- Ну, я скажу, чтоб выдали аванс. Но зря не хочешь, я бы мог платить владельцам.

- Когда с тобою вместе заживем, тогда твои - моими станут средства. Ты не спеши, ещё сумеешь заплатить. Поможешь шмотки перебросить на квартиру? Там, в общежитии, наверно, сумки три.

Для слов отказа не хватило сил – что говорить, общенье с сибирячкой день ото дня Володе делалось нужней. И, заодно, хотелось бы узнать, куда Наина едет поселиться.

- Я подожду. Ты собери всё побыстрей. И позвони, я заберу поклажу, - остался ждать в машине, так решил.

Анжела была в курсе предстоящих перемен. Кубинка радовалась за свою Наину, но опасалась за успехи авантюры. Казалось, всё уже обговорили, чтоб не мусолить больше эту тему. Один вопрос у знойной женщины-подруги Наина всё-таки хотела прояснить.

- Мой опыт, ну, ты знаешь, с «кабальеро», кроме брезгливости мне ничего не дал. Скажи, Анжела, при соитии с мужчиной, в блаженстве плоти закипает кровь? Как это мне воображение рисует?

- Когда случится настоящая AMORE. И чтобы «мачо» научил тебя любить.

Наина медленно кивнула головой: «Мне размышленья так и подсказали».

В прощальном взгляде в зеркало каморки « модель» увидела горенье этой мысли в упрямом отражении своих глазах. И поднялась решительно идти.

-Ты мне позванивай, «прекрасная креолка». А, может - встретимся, как выпадет судьба.

Пока что планы звали в дальнюю дорогу.

Доктор Щеглова, после долгого осмотра, хотела молодую пациентку напутствовать словами утешенья.

- Вы очень молоды, собою хороши – кругом так много всяких отморозков. И все готовы руки распускать. Так вы уж постарайтесь осторожней. Что нужно – сделали, и всё у вас в порядке. Но.... Первая беременность, аборт.... Даст Бог, и обойдется без последствий. И сможете детишек нарожать. А если я понадоблюсь..., вопросы ..., так вы всегда звоните, без проблем.

- А у меня вопрос как раз и есть. Что, если, ну, мужчина очень хочет, и я бы, вроде, не должна бы отказать, но нет желания отдаться – нет ли средства, чтобы его возможности лишить?

- Вы о насильнике такую речь ведёте? - Врач искренне была удивлена.

- Нет, что вы, исключаем криминал. А если шеф..., ну, важный человек, так возжелает, что и не откажешь, чтобы врага себе не наживать.... То нет ли средства - капнуть в кофе, иль вино? И он потом захочет, но не сможет?

Щеглова поднялась с другим лицом.

- Каких сейчас снадобий только нет! Но ваш вопрос как раз о криминале. Вы, верно, крутите в мозгах про клофелин. А я вас чуть ли не за жертву посчитала.

- Нет Ольга Юрьевна, какой там клофелин. Но у меня сейчас такое чувство, что я интимной близости боюсь. И не могу себя никак настроить.

Тут Ольга Юрьевна включилась с пониманьем.

- Вам, Шубина..., ну как вам не помочь. Сейчас я всё для вас организую.

Она взяла мобильный телефон. Но, будто вспомнила, спросила у Наины:

- Есть врач-психолог – вот уж истинно целитель. К нему проблема на прием попасть. Но консультации, конечно, стоят денег. И не таких, как в клинике у нас. И если вам не позволяют средства, вы мне скажите, я другого поищу.

- Пусть будет дорогой, раз он хороший, - Наине и фотограф дал аванс, она уже снималась на обложки.

И Ольга Юрьевна сказала в телефон:

- Артем Семенович? Щеглова беспокоит. Могу я пациентку к вам послать? Так, запишите – Шубина Наина. Ну, что ж, спасибо, я ей передам. –

Щеглова что-то написала на листочке, и отдала Наине со словами:

- Вам повезло. Артем Семенович Васильев, с огромной практикою психотерапевт. Возьмите - как зовут, и телефон. Я вас представила, и он сказал что примет. И уберет психологический барьер.

Расставшись с доктором, Наина поспешила не упустить «горячий след», и (что тянуть?) набрала номер психотерапевта. На всякий случай объяснила: «от Щегловой».

- Я с вашим случаем, признаться, не знаком, - тембр голоса располагал к доверью, - и от коллег мне сведений не надо – вы всё сумеете сама мне рассказать. В какое время завтра вы свободны?

- Да вы скажите мне, куда подъехать? Назначьте час. Я дальше разберусь.

Васильев предложил, как место встречи, весьма известный «Институт питания», где он, как приглашенный консультант, сам обустроил помещение для сеансов. И взял инициативу на себя.

- Вы сможете к двенадцати подъехать в район Сокольников на улицу Гастелло? Там каждый вам покажет «Институт». А в институте спросите меня. Так, значит, я в двенадцать буду ждать.

На первый взгляд Артем Семёнович был молод. Но далее, в процессе разговора, вносилась ясность – перед вами зрелый муж, и, без сомнения, понимающий наставник, вас чувствующий, как никто другой.

Он выслушал, и задавал вопросы, как будто знал, что не успела досказать. И уточнял нюансы всех переживаний, ему важны были малейшие оттенки ею испытанных и к ней прилипших чувств.

- Я не поклонник всяческих статистик, поскольку в каждом человеке есть свой мир. Не думаю, что вам открою тайну – сейчас такая нравов простота, а, может быть, точнее –

падение нравов. Мы взяли знамя сексуальных революций. И понесли, конечно – выше всех. – Васильев чуть откинулся на кресле. Наина же, напротив, словно сжалась, боясь хоть слово эскулапа пропустить.

- Другое дело – вы и ваша личность. Ведь вы, при столь уверенном облици, полны наивных представлений, что в жизни много разной дряни, но вы идёте по особенной тропинке, где никакая нечисть не страшна. И вот – тропинку вашу затоптали, а королеву вывалили в грязь.

- Да нет, я никогда не обольщалась.... Но неожиданность....

- Ну как это же так? Совсем такой-сякой не подготовил. Он должен был сначала рассказать: «Вот, напою тебя наркотиком любви, и будешь подо мною извиваться». А он нахрапом и без церемоний. Как делал это прежде много раз с простыми девушками, чаще из приезжих.

Наина без того себя судила, но уж себя сумела оправдать. И села в кресле, как уверенный боец, теперь уже готовый для дискуссий.

- Таки уж да, была идеалистка. И я себя не стану извинять. Все наступают на одни и те же грабли, Одни – всю жизнь. Другие – только раз. Я обожглась.... И что мне важно сделать, и как – уже решила для себя. Но вы, мне нравится, всё верно рассказали, и, думаю, что вы как будто тот, кто сможет дать ответы на вопросы.

Васильев в кресле пересел иначе – устроил руки так на подлокотники, как делает, кто думает вставать. Но только сел с энергией движения, и тихо, доверительно сказал.

- Наверное, Щеглова говорила, что я психолог, психотерапевт. Поэтому картина вашей жизни – мною освоенный учебный материал. И так давно, ещё по институту. Но реагируете вовсе не типично. Рассказывайте, что волнует вас?

И девушка чуть припустила веки, чтоб мысль точнее сконцентрировать в вопрос. Потом, пока не кончилась беседа, всё обсуждение шло глаза в глаза.

- Мой этот опыт, я не буду повторяться, меня наполнил, как бы, отвращением к животной, скажем, стороне любви. Как мне избавиться от этих ощущений?

Васильев моментально дал ответ.

- Ну, это-то как раз не сложно сделать. Я мог бы познакомить вас с мужчиной. Он деликатно вас избавит от проблем и в вас разбудит сексуальные желанья.

И, как для уяснения задания, Наина медленно и твердо повторила:

- Выходит, нужен кто-то из толковых. – И было видно, что решение вопроса, таким и представлялось ей самой. – Понятно, но мы к этому вернемся. А ничего, что много личных чувств?

- Как раз и правильно, вам не нужны рецепты. Вы говорите и мы будем обсуждать, что лучше сделать, чтобы разобраться.

- Теперь к вопросу о «любовнике» моём. Мы с ним встречаемся, и по работе часто, и он всё время меня хочет поиметь. Артем Семенович, есть что-нибудь такое? Ну, скажем – радикальная таблетка, чтоб я ему в напиток подмешала, и он потом физически - не смог? Вот, я с ним соглашаюсь переспать, и перед этим он, положим, выпьет? Ну, как бы сделать в этот вечер импотентом. Такой самодовольный идиот.

- Всё в мире есть, и это в наших силах, раз вы его решили проучить. Но сгоряча нельзя поступки делать. Холодный разум и продуманный расчет. Дней через десять вы ко мне зайдете и мы вернемся к этому вопросу.

Наина уже думала подняться, когда Васильев ей внезапно предложил:

- Вот, в упаковке десять порошков. Попринимайте после завтрака, полезно. Все время ровным будет настроение, спокойной станете, без резких амплитуд. Не химия, а смесь различных трав.

И ненавязчиво, но с логикой мотивов, Артем Семеныч дал ей маленький совет.

- У вас прекрасное трагическое имя. Но есть в нём что-то от помпезной мишуры. Пускай присутствует, как атрибут величья. Но для знакомства, да и для общенья попробуйте назваться просто Инна. Наиной называться будет срок. Вы же юная девушка, так и зовитесь нежней. Это только совет, так сказать – предложенье подумать.

-Что ж..., спасибо. Простите, а где я могу заплатить?

- Мне не надо платить за знакомство с проблемой клиента. Плата только тогда, когда помощь дает результат.

И они распрощались у лифта на названный срок.

Те порошки, что предложил Васильев, Наина отложила «на потом» - пусть будут под рукой, как нужные лекарства. Порой бывает «неустроенность души», тогда их примет для корректировки. Сейчас же мозг был как отлаженный компьютер, а уж в психической гармонии Наины ничто не в силах было вызвать дисбаланс - она так чувствовала, что прошла закалку. И у девицы вызрел чёткий план, как разрулить клубок из обстоятельств. Как показалось, психотерапевт Артём, мог поспособствовать в решении проблем. Она явилась через десять дней, как и условились - с «холодной» головой.

- Ну, налицо заметны перемены, - доктор Васильев ясно видел, что клиентка, полна спокойствия, не то, что в прошлый раз. – Попробовали наши порошки?

- Да, - не моргнув, ответила Наина, - и очень благодарна вам за них. Избавилась от лишних треволнений и ко всему рассудочный подход.

- Как раз, что нужно для оценки обстоятельств. Так что мы думали наметить в этот раз? Убрать ваш негатив в интимной сфере?

Наина чуть замедлила ответ, и вышло так, что будто размышляла. Потом с надеждою взглянула на врача.

- Мне кажется, с «любовником» - важней. Мне так иль иначе приходится общаться. И это главное, о чём я вас прошу.

Васильев, что-то на столе перебирая, спокойно, деловито произнес:

- Такое средство стоит много денег. Мы делаем заказ при предоплате.

И он озвучил шестизначное число. Наина захотела уточнить.

- Как много ампул будет в упаковке?

- Так стоит одна доза препарата. А упаковки есть – одна, и две, и три. Но я не думаю, что вы хотите ящик.

- Как быстро действует, и сколько будет длиться?

- После приема через час – так это точно. И одна доза будет действовать два дня.

Наина что-то в мыслях прокрутила. Как оказалось – делала подсчёт. Артём Семенович спокойно в кресле ждал.

- А сколько предоплаты вы хотите?

- От общей суммы пятьдесят процентов.

Девушка заказала десять доз.

- Но, я надеюсь, он не только для инъекций?

- Его разводят в спирте, если пить. Обычно повышается давление, ну, а потом развиться диабет. Ну, и сердечникам не очень он показан.

- Субъект не будет годен для контакта?

- Каких бы только мер ни принимал. Не только, что возможность уничтожит, но и любые сексуальные позывы.

Наина вынула из сумочки конверт.

- Когда готовить сумму под расчёт?

- Я думаю - через четыре дня. А ампулу сейчас могу вам выдать.

- На предоплату и на дозу здесь не хватит.

- Да разберёмся мы, какая ерунда.

- У снадобья, наверно, есть название?

Врач отчеканил по слогам: «Декапептил».

- А если я двух доз не пожалею для пущей безопасности своей?

- Он будет импотентом большой срок. А это может и на психике сказаться.

Они простились и расстались на неделю. Наину ждали важные дела.

И в тот же день она звонила в Томск.

- Да что же ты такое натворила? – испуганно запричитала мать. – Неужто, всё настолько безнадежно?

- О чём ты, мама, что-то не пойму? Вот, захотела с вами повидаться.

- А я подумала, что выгнали тебя. Как разъезжать весной, когда занятия?

Наине вовсе не хотелось объяснять, что навсегда рассталась с институтом.

- Каникулы, как и у всех студентов. А мы вот с зимней сессией зависли. Один профессор был в командировке. Сейчас уже второй семестр идет. Да на два дня, не больше, прилетаю.

- Ну, вот и хорошо, когда всё так. Отца, ты не волнуйся, подготовлю.

- Тогда скажи - ты видела Ларису? (Наперсница, подруга детских лет).

- Сегодня видела. Что надо передать?

- Да так, спросила, - просто бросила Наина, хотя Лариса ей была нужна. – Я, в общем, предварительно звонила. Как точно выясню, уже куплю билет, я всё тебе скажу, и номер рейса.

И набрала Ларисин телефон. Довольно долго шли прозвоны до ответа. Ответила подруга с теплотой.

- Ну, Ная, как же рада тебя слышать. Не очень одиноко там, в Москве?

- Да, всё нормально. Может быть - приеду. А как там Лазаревы братья поживают?

- Тебе про них обоих важно знать? Ну, Вячеслав теперь большой начальник. За городом себе построил дом. Так, по рассказам - чистые хоромы. Конечно, там такие деньги платят – хозяин разрабатывает нефть.

- Да, что мне Славка. Как там Николай?

- Соскучилась? Так вы же разбежались? Да что я говорю, твои дела. Не знаю толком, будто бы нормально. Пока он у родителей живет. Я на ходу с ним как-то повстречалась. И не женился, я бы знала, если что. Так ты когда приедешь?

- Позвоню.

Так, постепенно, добралась она до Коли. И это была школьная любовь. Наверное, ещё с начальных классов. И все настолько часто говорили: «Какая пара! Что - невеста! Что жених!», и постепенно это стало так привычно. Но, тем не менее, портрет был - хоть куда!

Она была красавица из первых, коль не сказать, что первая совсем. Смотрелась, как скульптура из музея, где в экспозиции представлен древний Рим. Так стала выглядеть, как только повзрослела. В младенчестве была, как ангелок. А царственная простота в общении, что потрясла продюсера вконец, была её манерой поведенья, ещё и этим выделяла из толпы.

С ней рядом Коля Лазарев возник, как только деток в школу снарядили. Он был немногословен и спортивен, силен физически, при стройной худобе. Ещё до школы его звали «цыганенком» товарищи по играм во дворе. Поскольку был он смуглый, кареокий, и блеск держался в чёрных волосах. Да и глаза горели грозным блеском, когда, случалось, игры сверстников-подростков из безрассудства обращались в бой. Из опыта таких ребячьих битв возник урок – не доставать «цыгана».

Сам с дружбой он ко сверстникам не шёл, хотя в общении был неизменно ровен. Он был самостоятелен во всём – в поступках, в неприступном мире мыслей. Советы, может и мотал на ус, но был порою неожиданным в решениях, и к «стаду» никогда не примыкал. Он знал, что означает «чувство локтя», но с обостренным голодом свободы в своей душе не мог поделаться ничего.

Лишь только сверстник по прозванию Тахтамыш считался Николаю близким другом и тенью всюду следовал за ним. Однажды паренёк чуть не погиб, когда весной от горы над Томью, в то время бывшей грозною рекой, стремившей в Обь бурлящие потоки с высоких мест от таянья снегов, вдруг отломился громадный снега пласт, всю зиму прослуживший, как площадка. Так Гриша этот, позже – Тахтамыш, с обломком этим с берега крутого к стремнине кубарем, буквально, полетел, и всё лишь долями минуты исчислялось. Никто не рыпнулся в компании парней, стоявших рядом и оставшихся на круче. Тем более, что день уже угас, и Гриша в темень непогоды рухнул. Один «цыган» сорвался ему вслед, и будто взнудывал природу жутким воплем. Крик постепенно снисходил на умолканье, а видеть ничего было нельзя. Григорий крепко головою приложился и был бы несомненно не жилец, нашли бы труп пониже по теченью, не подоспей подмога в тот же миг. Так Лазарев, и сам ещё ребенок, товарища от верной смерти спас. А Тахтамышем Гришу стали звать, когда поправился. Прилипло постепенно. Поскольку где-то там, недалеко, разбит был хан из Золотой Орды, который и носил такое имя.

И Тахтамыш был Коле Лазареву друг. Вернее, так сказать, оруженосец. И научился абсолютно не мешать.

Как Кай и Герда, нет, верней – Адам и Ева, прошли рай детства абсолютно безмятежно Наина и бессменный Николай. Она его ценила, и любила.... Как брата..., пока время не пришло. И стали возникать другие чувства.

Тогда пришла действительно любовь: его - зажгла стремительным огнем, а у Наины ровным пламенем горела. Наверное, ещё и потому, что он был рядом, и поэтому – привычен.

Всё состоялось – и прогулки до зари, и поцелуи до самозабвения, и познавание вождеденных тел. Но бабушка замучила про «флауа», она звала то место гордо – «Нутен», и говорила: «Гимен – дар Богов». И Николай оберегал «цветок», когда ему Наина рассказала. «Всё будет, ведь она и так моя». И с девочкою бережно возился, и напридумывали многого чего.

Так и прошло, наверно, года три..., Но как-то раз приехали в их школу какие-то ребята, рок-ансамбль. Совсем не самобытны, так, неплохо, могли исполнить ходовой репертуар. И барабанщик, не скрывая восхищенья, Наине чуть ли не рукой махал. В какой-то миг к ней подобрался осветитель, и передал послание: «Тебе». Она прочла и сунула в карман. А позже, когда стали расходиться, от всех отстала и замешкалась в фойе.

Тут рядом оказался Тахтамаш. «Он не придет»,- сказал, в глаза не глядя.

« О ком ты?» - и невольно встrepенулась. «Да я о барабанщике об этом. Пойдем, «цыган» велел мне проводить». Наина, всё-таки, пошла, но возмущалась, само собой, конечно, про себя.

А барабанщика избили хулиганы. Всё в тот же вечер. Знать не суждено придти ему к Наине на свиданье. И неудачно на руку упал, так что врачи её загипсовали.

Но дети всё-таки немного отдалились. Не то, чтобы у них прошла любовь. Но столько юностей других вокруг бурлило.

Девчонки Коле «строили глаза», а быть с Наинюю не мог он постоянно. И не хотел, наверно – жизнь звала. Другие девочки не берегли бутон, а жаждали его цыганской страсти. Его терзала «гиперсексуальность» - так бы, наверно, психотерапевт Васильев научно состояние назвал. И Коля Лазарев стал властвовать гаремом.

А к царственной красавице Наине, ну, что тут скажешь - каждый сверстник вождедел. Не говоря о тех, кто был постарше. Как только Лазарев немного отдалился, другие парни её стали осаждать, как будто слух прошел – попробовать возможно. И кое с кем она была близка.... Конечно – до означенной границы.

Но Лазарев не изменял любви, да и Наина – не сказать, что разлюбила. А просто жизнь немного развела. И вот, она уехала в Москву. А он не знал ещё, как с армией дела – год проучился при военкомате на шофера, сейчас могли водителем призвать. Но старший брат мог взять охранником на вышку, он в нефтяной компании служил. Там делали из «срочников» отряд, и даже строили подобие казармы. Тогда, наверно, Коля бы женился - устал от многочисленных подруг, пресытился их постоянной сменой.

Наину он свою не разлюбил, но увела её судьба в другие жизни, а он хотел невесту для семьи. И тут ему Наина позвонила.

- Я приезжаю, может - на три дня. Ты сможешь быть на эти дни свободен?

- Зачем ты странные вопросы задаешь? Давай я лучше за тобой приеду.

- Билет на завтра. Рейс – четырнадцать. Целую.

- Ну, если так, то я тебя люблю. Как только время мне убить до этой встречи?

Она взяла билет на самолёт.

А он ту девушку, что намечал невестой, уговорил слетать в Новосибирск – там старшая сестра её жила, и обсуждали, что неплохо повидаться.

И Коля Лазарев поехал в тот район, совсем под городом, где брата дом построен. Там, ну, почти в дремучей чаще, земли он выкупил, наверное, с гектар. И строил для родителей сюрприз – сруб из отборных вековых деревьев, где, в том крыле, что строил для себя, всё современной техникой напичкал – компьютеры, и разное чего.

С ним постоянно находился Тахтамыш. Так он приехал и распорядился. Чтобы три дня никто не доставал.

Летать Наина не особенно любила, вернее – тягостно текло пустое время в бездеятельном длительном пути. До Томска, что сказать, конец не близкий, и ей не нравилось быть в клетке самолёта, фальшивой птицы среди бескрайности небес.

Она не очень-то умела расслабляться, а тут ещё энергия полета наслаивала свой коэффициент на бурную энергию души, толкнувшей девушку лететь через пространство. И через время, если точно говорить. Но в этот раз так много было мыслей, они наплывами отягощали думы, и где-то близко от границы атмосферы над суетным, земным трудился мозг.

« И почему других устраивал тупой ярлык «цыган», и только мне решение пришло, что где-то, в предках – корни Ганнибала? Вот отчего такой ты смуглый, Николай – арап был в Томске, когда царь внезапно умер, и в ссылку сплывили сподвижника Петра. Вот и метнул он семя в Томскую губернию.

А может и действительно цыган? Что толку во всём этом разбираться. Я, как была зацикленной девицей, так и осталась ею до сих пор. Но, чувствую, готова к обновленью», - эмоции переполняли грудь. И мощный монотонный рев моторов звучал Наине будто тремоло в оркестре перед грядущей кульминацией пути, что ноты жизни напороочили ей в Томске.

Вопросов не было – а почему же Коля?

Он был настолько значимой фигурой в судьбе доверчивой мечтательной Наины, что в разрешении московских обстоятельств она нашла себе спасенье – Николай.

«Он самый нежный. И откуда у мальчишки, - Наина будто бы читала древний эпос, - ссыскались силы удержаться перед соблазном такую демоническую мощь его прекрасного мужского естества, когда прабабушкой завещанный «цветок», - она задумалась, что смысл немного спутан, - верней: прабабушкин наказ хранить «цветок».... Устроила какой-то заповедник. Но как я верила, что надо сохранять! И до сих пор люблю прабабушку Агату, хотя лишь только слышала о ней. От её дочери, надменной Розалинды, своими примитивными мозгами, что так досадно, не пошедшей в мать. Но хоть Агатины твердила наставленья, и воспитала меня с ценностями в жизни. Хотя наверное всё это ерунда. Но что бы ни было, я уважаю принцип, который в человеке должен быть. И я поэтому сейчас лечу к тому, кто мой «цветок» сорвать имеет право».

«В конце концов – причём тут эфиоп? Он Коля Лазарев, и никогда никто мной не был так любим, в нём юность моей страсти», - и тут же посмеялась над собой, «зачем же всё так выпренье, подруга?».

А дальше мысли философские пошли.

«И как насмешка возникает слово «ВЕЧНОСТЬ», когда в иллюминаторе – смотри, уже осточертел однообразьем назойливой линиялой синевы и этот свод небесный за окном, и облака, как сахарная вата. Вот если бы я даже и разбилась, трагедия, какая вдруг стряслась, - то это ничего, когда на взлётё. Пускай «ценою жизни ночь мою», ведь я лечу сейчас за этой ночью. Я прочитаю, как там Пушкин написал.... Ведь если с самолетом что случится, я за любовь, выходит, жизнью заплачу.... А то какой-то там специалист, назначенный врачом в научном центре, со мною будет терапию проводить так называемым «лечебным брачным сексом». Мне, слава Богу, есть с кем ложе разделить».

Стюард сказал, что скоро «Боташово». Томск принимал и все защелкнули ремни.

- -----

- Вот спорим, что какая-то актриса, - две стюардессы, что готовились на рейс, рассматривали группу прилетевших. А Лазарев недалеко стоял. И понял, что отметили Наину. – Идёт как королева сквозь толпу.

И Коля видел, что Наина похудела, и в силу этого, возможно, впечатляла какой-то открылённой красотой.

Сначала будто всматривалась в лица - встречающих, но было далеко. Потом, он видел, разглядела, где он есть, и улыбнулась, и рукою помахала.

Он тоже, несомненно счастлив был, но главным чувством было удивление – и что она внезапно сорвалась? И речи не было, чтоб приезжать обратно. Ну, может быть, когда-нибудь, потом.

« Ну, коли надо – хорошо, что прикатила. А я её недаром разглядел. Какая стала классная деваха, - друг детства заново как будто узнавал, - и будто там, в столице, выше стала».

Наина в это время подошла, и в тот же миг подумала с досадой:

«Какая всё-таки я форменная дура, что нацепила эти каблуки. Но он не смотрит снизу вверх, мой «цыганенок». Как сокол гордо голову вознес, и наблюдает ястребиным взглядом».

Внезапно он схватил её в охапку и сразу же ответил на вопросы, что лучше - величаво наклониться? Или присесть, чтоб легче целовать?

Их встреча сделалась совсем непринуждённой.

- Тебя наверно к предкам отвёзти? – он отпустил её и явно любовался.

- Нет, Коля, я недаром выясняла насколько сможешь быть свободен в эти дни. Так ты скажи, если делами связан.

- Какая деликатная москвичка! Я говорил тебе – Наина! Для тебя! – и гордой головою раза три из стороны он в сторону подвигал, желая показать: «Всё, что ни есть!».

- Тогда давай поедем в Заозерье, там посидим и разберемся, как нам быть.

И хорошо, что Коля взял машину - стремительно понёсся в город, в центр. Наина не особо трепетала, что – «вот, мол, дорогие мне места!». Да и какие там воспоминанья? Не успевала посмотреть по сторонам – путь от аэропорта и сквозь Томск так выглядел, как гоночная трасса. Зелёный свет всех светофоров по пути, и никаких тебе заторов при движении. Единственно, так промелькнула мысль: «Вот так бы и в Москве исчезли пробки». Её приезд был с «деликатным свойством», а умиляться на свой город детских лет – сентиментальность её казалась неуместна.

Кафе носило имя «**Tommy gun**». Почти что в центре, но совсем пустое. Лишь три-четыре пары по углам. «Сюда обычно публика не ходит?». «Нет, место бойкое. Вот разве, что сейчас....»

Пока устраивались, кофе заказали, Наина мыслями своими поделилась, что были вызваны названием кафе.

- В далекой глубине сибирских руд хозяин «точку» называет по-английски! Вот это понимаю я - гламур. Ну, то, что «Tommy» - это лихо он придумал, никто не догадается, что Томск. А то, что «gun», наверное - ружьё. А, может, даже «Пушка», покрупнее. Но я-то думаю, что это **Ганнибал**, твой очень вероятный предок Коля. И даже дальше расшифруем – «Ган» и бал, и, значит, здесь танцуют вечерами. Но главное, что здесь со мною ты.

- Я помнил, что ты очень уж красива, но не рассчитывал настолько обалдеть. Не верится, что ты вдруг прилетела.

- И я не просто прилетела, а к тебе. Но не в гостинице же нам с тобой селиться?

В глазах у Коли исчезало удивленье, и выраженье их меняло смысл. По крайней мере, становилось ясно, что например она задумала сейчас.

- Так может, я тогда спрошу у Славки? Он приглашал смотреть второй этаж. Там тишина тайги и всюду сосны.

- В его хоромы? Сами по себе?

- Они с женой во флигеле обычно. А все малые ходят в школу-интернат. Он, ты же знаешь, нам мешать не будет.

За это время Слава сильно изменился, «какой же ухарь, и заматерел» - отметила приезжая невольно, и вовремя сумела промолчать, когда на «Вы» чуть-чуть не обратилась. Но он действительно был рад её приезду – за брата, и, особо, за себя: она-то уж сумеет оценить, что жизнь идёт теперь другим «макаром».

Второй этаж нес запах новостройки, кругом был бор из мачтовой сосны. Границей бора возвышался берег, обрывом ниспадающий к реке, как будто бы стена из красной глины.

От воздуха кружилась голова, душа робела от величия природы.

Но всё вокруг они забыли от любви! Наина заново узнала Николая, а он любимые знакомые черты читал в сошедшей с трона королеве. И разобраться не могли никак, сумеет ли единое и целое, во что они слились через соитие, когда-нибудь, как прежде, разделиться и став частями самобытно жить.

-Да, да..., о да, о, да..., моя Наина, - лишь только было слышно иногда.

И на мгновенье голос сердца у Наины беззвучно вкрался в шевеленье губ.

- Я выплеском своей кипящей крови благословила твой разящий меч.

Луна светила с вечною тревогой. Любовь добавила в букет ещё цветок.

- И что же, соберёшься и уедешь? – отказывался верить Николай.

Наина ещё даже не оделась и, без намека на стыдливость наготы, о чём-то думала какое-то мгновенье.

- Я, Коля, что такое главное скажу, и думаю, ты с этим согласишься. Я полностью тебе принадлежу, и вижу, до чего тебе желанна. И вот, покуда есть желание твоё, и будет на меня распространяться, я так и буду оставаться лишь твоя, какие в жизни не случились бы события.

Сибирский юноша, возможно бы, опешил, но он любил подругу детских лет. Меж тем она продолжила вещать, сама с собою разбираясь большей частью.

- Есть в книге мудрой сокровенные слова, про нас с тобой они рассказывают то, что я, поверишь, постоянно ощущаю: «Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее. Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь, то он был бы отвергнут с презрением».

Она на Колю посмотрела, чтоб взглядом в мысли убедить.

- Да что же делать, жизнь - стремительная штука, - она сказала и мгновенно оценила, какой это дешёвый афоризм. Но пусть банально, мысль верна, куда же деться. - И я давно бесповоротно поняла, что не смогу прожить в нашей прекрасной, но безнадежно вялой глухомани, когда узнала, как же мир велик. Он не везде и не всегда хорош. Но для того и предназначен дар познания, и жажда поиска, и крылья для души, хоть это и звучит высокопарно.

«В Москве, наверное, привыкла говорить», - подумал Коля и сдержал зевок.

- Не так давно с психологом одним мне довелось беседовать случайно. И, я так думаю, он также экстрасенс. И, вот, он, между прочим, выдал мнение об имени моём, немного слов. Что, мол, оно величественно очень. «Вы, говорит, попробуйте, на время, пускай вас называют просто «Инна», как производный и возможный вариант. А ваше имя взрослой даме подобает». А я подумала, потом, и усмотрела, что экстрасенс во мне самой поразбирался. Я раньше и была совсем «Наина», вернее – до безумия наивна. И это наш психолог разглядел. Он видел, что я сделалась иная, и предложил мне называться Инна. Я, как сумела раскусить свою наивность, и поняла, что я теперь другая, так вся и встrepенулась – где мой ДРУГ? Ведь, потому что Коля, это – ты! Вот я и прилетела моментально.

Наина, пока долго говорила, оделась, и по комнате прошлась. И подошла к любимому вплотную.

- Так что же ты тогда теперь летишь? - он вроде тот же задавал вопрос, но не звучала в нём упрёком обречённость.

- Нет, Николай, я еду дальше жить. Чего-то достигать, и заблуждаться. Что делать? Мы всегда среди людей, и разные бывают отношенья. Но разлюбить тебя я не смогу, пока меня ты не разлюбишь, не забудешь.

- Не очень радостные, скажем, перспективы. Но я к тебе настолько прикипел, что вряд ли кто-то сможет быть роднее.

- Мне хочется попробовать себя в различных ипостасях и обличьях. Но лишь уверенность, что ты всегда со мной, мне даст возможность ощущать себя нормально. Как там же, в этой книге есть строка: «Я принадлежу другу моему, и ко мне *обращено* желание его». Вот это я должна всё время знать. Но сам ты должен жить, как ты живешь. Я слышала, что ты хотел жениться?

- Та женщина сейчас в Новосибирске. Проведать родственников я её послал, когда ты позволила, что приедешь.

- К тебе на свадьбу я, конечно, не хочу. Но, думаю, тебе жениться надо. Она родит тебе хорошеньких детей. А я к ним крёстной матерью приеду.

И Николай, познавший взрослой жизни суровых и ответственных мужей, оттаял рядом с трепетной подругой пронизанных любовью детских лет.

« А ты наивна, потому что ты чиста. А к чистоте твоей не может грязь прилипнуть, поскольку ты наивна навсегда. И я тебя не разлюблю, раз ты такая».

С огромной нежностью он думал о Наине, пока она болтала как дитя.

- Мы больше чем любовники с тобой. Мы – микрокосмоса разорванные части. С могучей тягой воссоединенья.

Наина-Инна всё додумывала мысль, как обособиться и целым оставаться.

- Прости, но если вспомнить твой гарем? И мой почёт быть первою женою. И есть ещё у нас Новосибирск, в котором родственники нашим жёнам рады.

Зажёгся свет и через дверь из коридора бесшумно появился Тахтамыш.

Наина только посмотрела удивленно, и не отметить не могла, как он суров. Да и явился Тахтамыш из мрака, как каскадер, исполнивший свой трюк.

И Коля, микрокосмоса обломок, глазами гладил отлетающую часть.

- Я должен встретиться сегодня поутру. Ты не обидишься, что отвезет Григорий? Вы, аккурат, успеете на рейс.

Присели помолчать перед отъездом. Они расстались. Каждый думал – навсегда.

А слово «навсегда» - чтоб было горько. Поскольку в этом слове вкус полыни.

Наина, как вошли в аэропорт, спросила Тахтамыша на прощанье.

- Что, в Томске, пока не было меня, соорудили массу транспортных развязок? Регулировка светофоров удивляет, при жуткой скорости – всегда зеленый свет.

Вопрос так и остался без ответа. Быть может и не слышал он его. Григорий шел немного впереди, нёс сумку, собираясь сдать в багаж.

- И это ведь мы ехали в «восьмерке»? Неужто заводского производства? Такая скорость, право нету слов.

Внимание к достоинствам машины, конечно, Тахтамыш подкупило.

- Я сам старушку до ума довел. Жаль, большей мощности нельзя движок поставить – рассыплется железка на ходу.

- А Николай, когда меня встречал – я не спросила, на какой он вёз машине?

- Но цвет вы не запомнить не могли.

- Мне показалось, что глубокий тёмно-синий.

- В машинах захотели разбираться? Тот лимузин имеет имя Форд Мустанг, и двигатель четыре с лишним литра. Тебя как королеву шеф встречал.

- Машины вам дают в военкомате?

Но не ждала ответа на вопрос. Рывком на старте призовую скорость мысли развил объем её античной головы. А вслед за мыслью устремилось тело – «Аэрофлот» не любит опозданий.

На московской сим-карте за эти три дня сохранились четыре звонка без ответа. Да ещё накопился пяток SMS. Каждый день ей трезвонил продюсер Владимир и подруга Анжела её набрала.

Кубинская «креолка» постоянно с ней доверительно поддерживала связь, хотя Наина и жила другою жизнью, в огромном городе, где каждый за себя. Но тот их долгий полудневный разговор, так получилось, умудрился как-то сблизить.

Наина эсэмэски просмотрела, и лишь в одной был деловой вопрос. А в остальных, неразличимых, как шаблоны, Владимир плакался, как плохо без неё.

- Володя, что с тобой происходит? – Наине ли не знать, каков ответ, – Я уезжала и всего-то на три дня, а ты мой телефон перегружаешь.

- А мне так кажется – ты вечность пропадала, - он замолчал, не зная, что сказать. – Мне очень хочется с тобой повидаться. Давай сегодня?

- Но я только что с дороги. И что за спешка, мы ведь встретимся на днях, - но отрезвляющие девушки слова не изменили у продюсера настрой.

- Нам надо повстречаться, dear lady. Мне кажется, я абсолютно «ready».

- Не только что в английском преуспел, а даже и общаешься стихами. Так может, и какие чувства есть, а не простые сексуальные позывы?

- При личной встрече, всё при личной встрече. Нас разделяет мёртвый телефон.

- Ну, ладно, дай хотя бы полчаса. Я позвоню, и мы тогда договоримся.

Анжела сразу, несомненно, оживилась, и забросала тысячей вопросов – она настолько выучила русский, что очень любила говорить. Но у Наины был конкретный разговор, на все вопросы прозвучало только: «После».

- Скажи, креолка, как настроен твой Денис, и что у вас за планы на субботу.

Денис был третьим «кабальеро» за столом, и он неспешным осторожным отношением сумел и сам в себе взрастить любовь, и у Анжелы пробудить взаимность. Прекрасный капитальный человек – в неполных тридцать был топ менеджером банка.

- Он приглашает в гости в дом отца, тридцатый километр по Новой Риге.

Наину всё-таки преследовала мысль, и «как Анжела здорово по-русски.... Акцент, конечно, неминуемо звучит. Но построенье фраз, и овладенье духом». Анжела постоянно убеждала: «Ты выучишь испанский так же быстро, имей желание плюс практика со мной».

- К отцу...? Так это будет званный вечер? – Наина даже и вздохнула чуть.

- Нет. Никого. Отец и сам уедет. И я тебя решила пригласить, - Анжела очень радовалась плану. – А у Дениса есть перфектный друг. Денис, он прямо так и предложил: «Давай Наину нашу с Глебом познакомим». Глеб - он какой-то крупный бизнесмен, не так давно журнал совал Денису. А на обложке в чудной позе – ты, закутанная в соболиной шубе. И показал журнал, чтобы сказать: «Смотри, какие женщины бывают!». Буквально, я запомнила слова. Денис почти в восторге от сюрприза: он Глеба на субботу приглашает, а ты в гостиной за столом сидишь....

- Нет, милая, в другой какой-то вечер. Но встретиться в субботу – хорошо. А что, Денис с продюсером Володей, тогда мне показалось, как друзья? Их вместе и привел Цзой Чуйкин бард.

- Ты хочешь привести его с собой? Так вроде не такие отношения.

- Во всяком случае, он много мне помог. Что я известна, приглашают на показы. И знаешь, он всё время мне звонит. Однажды я небрежно обронила, что, может быть, и будет он со мной, когда сумеет подойти с любовью.

- И он сказал, что он в тебя влюблен?

- Влюблен ли, нет ли - как узнаешь правду? Так что у вас - свободен целый дом?

- И ты решила взять с собой Володю? Пускай Денис его хотя бы пригласит.

- Так что, они и вправду водят дружбу?

- Не то, что очень.... Но... приличный человек. – Анжела очень быстро всё решила, - Я, знаешь ли, хочу, чтоб ты пришла. А кто с тобой - уже твоя забота.

- А если что, так мы не помешаем?

- У папы в доме много чудных спален.

- Так я тогда Володе говорю?

- Что за проблема, говори, конечно.

Наина встретила с Владимиром в кафе. Денис ему уже звонил, и всё сложилось.

- А я, Наина, обнаружил чувства в сердце.

- Всего два дня. И ты покажешь, где и что.

«Мне надо думать, жить, и всё успеть», - себе напоминала сибирячка.

Васильев пригласил заехать в срок.

На май Наину Шуйскую ждал график из фотосессий и показов «от кутюр», почти весь месяц был расписан за границей. Но на дворе ещё господствовал апрель, и было время, чтоб весною насладиться.

Ей утром было несколько тревожно, и взгляд случайно обнаружил порошки, те, что Васильев дал «для настроенья». Она подумала и приняла один.

И, правда, настроение пришло, спокойное и ровное как в детстве. Проблемы все казались ерундой. А главное – от всех этих сомнений и колебаний не осталось и следа: она ни в чём не делает ошибки.

И день субботний состоялся, как судьба.

Наина Шубина была в прекрасной форме, худела без особенных диет, а переход в другое время года в ней обозначился, как женственный расцвет. Её природный аристократизм в неповторимом представительском облике чуть отделился в дорисовке мягких черт рукою щедрой матери-природы. Владимир, когда встретил у машины, невольно выдохнул: «Ну, уж. Вот это да!». И он был в превосходном настроении, хотя таблеток и не принимал.

Они подъехали к стоянке возле МКАД, где встретились с Анжелой и Денисом, чтоб не плутать по ответвлениям шоссе, а ехать к дому за Денисовой машиной.

Приехали в коттеджный городок, когда заметно начинало вечереть, и солнце уплывало в горизонт, но оставляло над землёю свет надежды. В заботливых объятиях апреля природа просыпалась ото сна. На огороженной забором части леса то тут, то там ещё «стучали топоры». Но за воротами направо красовалась довольно обжитая часть посёлка. В ней и отстроил дом отец Дениса. Достаточно простой, зато удобный - кирпичный двухэтажный особняк. Пошли пройтись. Анжела и Денис ушли вперед, чтоб прогуляться к лесу. Вторая пара задержалась у пруда.

- Так я действительно всё думал о тебе, - Владимир двигался слегка закрепощено.

- Хотя бы локоть, что ли, оттопырил.... А то гуляем сами по себе, - Наина медленно взяла его под руку и вдруг спросила, непонятно почему. – А ты читал «Египетские ночи»? Так, незаконченное.... Пушкин написал.

- Причём здесь Пушкин? Я – о нас с тобою. Наверное, любовь ко мне пришла.

- Да, что ты, милый, что за незадача? Кругом красавиц всяких пруд пруди.

Он повернул к себе Наину, наклонился. К щеке прижался и на ухо прошептал:

- Ты говорила, что когда из сердца.... Ну, что тут сделаешь, достала ты меня.

Тут девушка откинулась в объятиях и глянула Владимиру в глаза. Потом прижалась головой к его плечу и о себе немного рассказала.

- Ты, может быть, и вспомнишь, что сказал, когда мы познакомились с тобою? Что мне Наинной называться не к лицу? Вот, помнишь. Ну, тем более тогда. Теперь я называюсь «просто Инна». И я сегодня полюбить тебя готова, когда ты в сердце ощутил ко мне любовь.

-Ну, наконец-то, непреклонная Наина.

- Нет, просто Инна. И, конечно, не сейчас.

- Давайте заберём аперитив и нам Денис отцовский дом покажет, - в Анжеле действовал закон гостеприимства. И все охотно с нею согласились. Денис тогда спросил: «Что будем пить?»

- Джин с тоником – промолвила Наина. Владимир тут же приготовил, и себе.

Анжела захотела рома с колой, и то же за компанию Денис.

Дом был внимательно осмотрен и одобрен – сомнений не было, что здесь удобно жить.

- А где мы сможем отдыхать, когда устанем? – Наина знать хотела наперед.

Денис ей предложил на выбор спальню и ей понравилась большая, где балкон.

Прогулка в парке и экскурсия по дому, прозрачный воздух, пахнувший весной, толкнула молодость: «Давайте перекусим, а уж потом посмотрим, что и как».

- Но прежде чем мы к трапезе приступим, скажите, что мы празднуем сейчас?

Призыв Наины разом озадачил. Денис, Анжела и Владимир стали думать, что больше праздник – наступление весны? Или их встреча в этом новом доме?

- Я всё налью, пока вы разродитесь, - бурлил в Наине деятельный пыл. – И утоплю вас всех в «Кровавой Мэри».

Наина с водкой смешивала сок на столике отдельном для напитков. Она бокалы поместила на подносы, на маленький поднос – один бокал. И каждому специально разносила.

- Вы, как я вижу, не определились, - она отметила, уже садясь за стол. Владимир – справа, а Анжела – слева. И, обращаясь к ним поочередно, модель озвучила, что хочет отмечать.

- Прекрасный повод - выпить на крестинах. Другое имя я беру себе. Оно созвучно моему, но не такое, - произнесла «с холодной дерзостью лица». - Теперь меня зовите просто Инна. Не слышу громких возгласов «Ура».

Пошло-поехало веселое застолье. За имя новое все выпили до дна.

- Неси, мой друг, и водочку и сок, - так «просто Инна» вдруг Володе предложила.

Она была и весела, и говорлива, и часто смехом оживляла пир.

Володя медлить не любил: «Давайте выпьем!». Инна хотела белого вина. И он принес, галантный кавалер.

- Плесни мне, а тебе я налила, – тут Инна обожгла всех ярким взглядом. – А что, давайте выпьем за любовь.

И чокались, и «за любовь» кричали.

- Я предлагаю всем немного отдохнуть, - Владимир думал: все, наверное, согласны. - Ну, а потом – за стол, а дальше – танцы.

Никто не возразил на предложение. Зачем-то Инна посмотрела на часы. Денис Анжелу ласково обнял, и не спеша куда-то удалились. Владимир с Инной тоже знали свой маршрут и двинулись вверх влюбленной парой. В преддверье близости настойчивый Владимир малютку Инну целовал ещё в пути.

- Вот, обязательно, прошу тебя, надень, - она успела настоять предохраняться, когда Владимир уже рвался овладеть. И, видимо, он так горел желаньем, что в первых ласках сразу изошел.

-Сейчас, передохну, моя царица, и я тебя в своих объятьях утомлю.

- Ведь я не тороплю, мой повелитель.

Наина взглядом изучала потолок, и как на нём сгущался сумрак ночи. Володя, так казалось, задремал, или какая в нём готовность вызревала. На самом деле в нём ворочался вопрос: «Куда же вы мои желания пропали?».

Тогда он начал девушку ласкать, в надежде, что возникнет вожделье.

- Ты помоги, мне, Инна, что-то я..., Давно не волновался, как мальчишка.

Наина даже и не шелохнулась, и лишь сказала чуточку потом.

- Раз есть любовь, как ты сказал, Володя, то это совершенно ничего. Мы ведь с тобою не какие-то собачки: случились – разбежались, навсегда. А в жизни много разных ситуаций.

В кровати села и собралась одеваться. Он сделал то же, но такой опустошённый, как будто стержень в жизни потерял. Но всё же думал, что случайно обессилел.

Хозяев ещё не было в столовой. Владимир сразу же за водку ухватился и полстакана осушил одним глотком. И это все не глядя на Наину.

- Да что ты мечешься, как будто Рим сгорел? Ты, что же, никогда не ведал срывов?

- Да, что мне делать, если больше не мужик?

- Проспишься, отдохнёшь, и снова встанет.

Его не грели звуки утешенья.

- Ты извини, Наина, я пойду. Ребятам расскажи, что было надо.

- Да я всё слышу. Жаль, но если так..., - Анжела помахала из окна.

Удачливо поймал такси в минуту. Машину, думал, завтра заберет. И позвонил, уверенный, Алине. Та - мастерица..., всё наладит..., как домкрат.

И в первой же попавшейся аптеке купил огромное количество «Виагры». Не глядя, сунул тысяч пятьдесят, и приказал провизору: «На все».

Денису на мобильный в это время раздался неожиданный звонок.

- Вы извините, я дежурная по смене из клининга оплаченных услуг, - Денис не просекал, что за услуги, и собирался отказаться наотрез. – У нас проплата от хозяина коттеджа. И после ужина, тем более с гостями, мы присылаем горничных убирать.

- А.... Ну, тогда давайте, завтра утром.-

- Отлично. Вам удобно, если в десять?

- Не знаю. Пусть приходит. Всё равно.

Алина изощрялась в ухищреньях, пока она вконец не убедилась, что не по силам одолеть эту проблему. Владимир на «Виагру» нажимал. И всё ему казалось – вот, чуть-чуть, и средство безотказное поможет. Но это был обманчивый эффект. А тут и водка, и десятая попытка. Внезапно сердце от напряжения взорвалось, и он всем телом завалился на подругу.

Алина добралась до телефона, и труп Владимира поехал ночью в морг.

Наутро все трезвонили Наине: «Продюсер твой скончался от любви». В такую новость нелегко поверить.

- Вот так вот и уходит молодежь, - злорадничал таки фотограф Шац, всегда шипящий на чужой успех у женщин, - но повезло, что умер он на бабе.

Анжела видела, что бедная подруга терзается в протрации ума. Как сопоставить отгремевшее вчера и слишком безотрадное сегодня? Вчера - Володя..., а сегодня - просто «тело»..., и это тело будут хоронить.

- Ну, знаешь ли, он тот ещё затейник - какого чёрта он сорвался от тебя? Чтоб успокоиться в объятьях проститутки? – Анжела стала возмущаться, и всерьёз. – Денис, свяжись, чтоб увезли его машину. А кто официантку к нам прислал?

В дверях стояла странная особа. Крахмальный фартук, даже бейджик на груди.

- Она уборщица из клининга поселка. Отец, оказывается, это оплатил.
- Пусть убирается. А то мы скоро едем.... Не оставлять же за собой бардак.

Захваченный с собою порошок помог Наине одолеть оцепенение. Но говорить она ни с кем не захотела, и даже с человеком УВД тактично побеседовал Денис.

Был разговор коротким и любезным. Денис сам предложил поговорить. Он рассказал о неожиданном отъезде Владимира из дома на такси, поскольку управлять своей машиной, немного выпив, тот не стал бы ни за что. А что ему за блажь пришла такая – сорваться, бросив девушку – бежать? Об этом лишь гадать теперь возможно.

Один звонок Наину удивил. Звонил Васильев, да ему - какое дело?

- Я лишь хотел узнать, что всё в порядке, - так объяснил он неожиданный звонок.

Наина лишь секунду помолчала. И с твердостью сказала: «Как всегда».

А в мыслях прокрутилось дополнение: «Когда египетские ночи на дворе».

Бредовая идея смены имени сама собой отпала навсегда. «Я больше никого не стану слушать, но постоянно буду думать обо всём. Всё взвешивать, и в действиях моих пускай теперь главенствует рассудок».

На похороны все-таки ходила. Да, как Наине Шуйской не придти? Той самой, что была его «звездой». И положила в гроб две хризантемы, как горький символ двух ночей любви. «Покойся с миром, хоть теперь угомонился. В твоей кончине нет моей вины. Собственноручно гроб заколотил упрямыми гвоздями безрассудства».

Но из «обоймы», как зовутся те модели, чьим появлением украшается показ, Наина Шуйская не умудрилась выпасть, поскольку в её случае протекция была лишь косвенным, и то чуть-чуть, подспорьем. Она сама была столь яркая звезда, блистательно успела проявиться, и у продюсеров ценилась нарасхват, чтоб выставлять её своей моделью.

За утвержденной занятостью мая последовал удачливый июнь. Модель с породистым, изысканным лицом, уменьем выглядеть всегда аристократкой, было востребована всеми Кутюрье, а денежный прирост её дохода поставил в ряд заманчивых невест.

Анжела стратегический свой план насчет Наины всё ж осуществила. Хоть с опозданием в несколько недель. Они с Денисом пригасили того Глеба, что был в восторге от Наины на обложке, на конкурс моды в «Рэдиссон-Славянской». Глеб обалдел, когда увидел дефиле. Наина после встретилась с друзьями, но не утратила свое очарование, и бизнесмен своих восторгов не скрывал. Он не был из холеных и надменных, глубоко утопающих в деньгах. Довольно молод и как юноша поджар. Смотрелся он английским джентльменом, каким тот представляется в кино. При этом необычно прост в общении,

хоть позже выяснилось – только для своих. Наине он и вправду приглянулся, и завязался трепетный роман.

Уже определились с датой свадьбы, когда невеста захотела ехать в Томск.

- А, хочешь, полечу с тобою вместе, - с большой готовностью засуетился Глеб. – Потом родителей, да и кого захочешь, в Москву на свадьбу сможем захватить.

- Нет, дорогой мой Глеб, такое дело, что я не еду, чтоб кого-то приглашать. Мне хочется о юности поплакать, ведь я прощаюсь с нею навсегда.

Глеб бережно внимал словам невесты, и даже проводил в аэропорт.

А в Томске ждал потомок Ганнибала.... Он был женат, а в доме ползал карапуз. Брат Вячеслав опять им выделил этаж, они уверились – любовь не умирает.

- Ты мой навеки, понимаешь, Томму Гун? Пускай я через месяц выйду замуж. Тот микрокосмос, что был нашею любовью, чувств не растратил, но, во времени, прошел. Нас не связал Господь, чтоб жили вместе. Но никого родней на свете нет.

- И ты, поверь, моя частица сердца. Но знаешь, раз уж нам не суждено одной дорогой следовать по жизни, давай уж так, что мы в последний раз с тобою были мужем и женою. Я слишком горячо тебя люблю, и чувство это стало выше секса.

- Да ты читаешь в моих мыслях, Томми Ган. То, как друг друга возлюбили мы с тобою, не может повториться никогда. И память этого огромного триумфа разменивать на пошлый адюльтер?

-Вот только, если вдруг я буду нужен, не сомневайся ни секунды, что я есть! Ведь кто же знает, что там, в жизни приключится?

-Я сохраню «кумир для сердца своего».

Последней вспышкой юный романтизм закутал в дымку занавес прощанья.

-

Глеб Ухов не хотел тянуть с женитьбой, да и Наина отработала контракт. А новый, как её не умоляли, она не захотела подписать. Она решила, что замужней даме ходить по подиуму вовсе не к лицу. Жених имел солидный бизнес, светский облик, ему был нужен представительный эскорт. Да и Наина, без сомненья, понимала, что роль супруги абсолютно для неё.

Никоим образом трагическую смерть продюсера в объятьях проститутки с Наиной Шубиной никто не соотнес. И даже вряд ли кто-нибудь припомнил, что он Наине дверь на

подиум открыл. О нем незамедлительно забыли, так как немалое количество «моделей» с ним умудрялось быть в любовных отношениях. И каждая невольно трепетала, не ровен час, прослыть его вдовой.

Наина помнила, что ей звонил Васильев. Пускай случайно, но в ответственный момент. И чтобы контролировать события и сохранился про запас контакт, она договорилась с ним о встрече.

Но перед этим она съездила к Щегловой и нужные анализы сдала. Врач осмотрела её с пристальным вниманием.

- Ну, что сказать, всё очень хорошо. И по анализам везде порядок полный. А по лицу, я бы сказала – влюблены. Как стали женщиною, так и расцвели! Так это что – Васильев постарался?

- Нет, Ольга Юрьевна, Васильев ни при чём, хотя я за него вам благодарна. Так значит, всё в порядке у меня? Ведь я, теперь уж нечего скрывать, все чин по чину - замуж собираюсь.

- Вот уж жених, наверно, вне себя – такую сватает красавицу-невесту.

- Да он и сам, поверьте мне, неплох. А как бороться нам с последствием аборта?

- Сейчас-то кто же может что сказать? Вы после свадьбы про меня не забывайте. Да и Васильев по бесплодию мастак.

Щеглова очень оценила те духи, которые модель ей подарила – изысканный букет от Nino Ricci, фурор последней презентации, шедевр. И на прощание любезно подтвердила, что, если что – пожалуйста, всегда.

Васильев тоже в ней отметил перемены, как выразился: «явный позитив». Он никаких не делал предложений в том плане, как помочь ей намечал. Недаром же он тонкий диагност. По прежним встречам он «почувствовал» Наину, и в этот раз как будто доступ был к её сугубо личным ощущениям.

- Я так и знал, да кто бы сомневался, что вам без мужа долго не ходить. Ведь вы у нас публичная персона – я видел вас в газете с женихом. Такая замечательная пара. Совет, как говорится, да любовь. Надеюсь, не как врач и пациентка, а просто как хорошие друзья, мы укрепимся в наших отношениях. Поверьте, я не всякое знакомство на этом свете искренне ценю.

- Артем Семенович, вы складно говорите, а я хочу спасибо вам сказать. И, в будущем, надеюсь на контакт. А эти порошки для настроенья – я бы взяла, положим, штук двадцать. А может лучше выписать рецепт?

- Лекарство только в клинике у нас. Я, знаете ли, милая Наина, в России практику держу, как консультант. А клиника, где я теперь тружусь, в Швейцарии, в её озёрной части. Семейный, так сказать, пансионат. На самом деле фирменный отель, а персонал ещё и знает в медицине. Но не психиатрический надзор. А есть к услугам все специалисты, чтобы создать комфорт и возродить.

- Ну и отлично. Не забудьте про меня, - а после, будто в памяти возникло. – Да, вот ещё - лекарство от маньяков. Воспользоваться, к счастью, не пришлось. Теперь, я думаю, и вовсе не придется. Мне можно вам назад его отдать? Но денег никаких назад не надо.

- Не нужно? Отчего же не вернуть. Да я и порошки отдам бесплатно, раз вы не просите возврата за товар.

- Две ампулы нечаянно разбились. Но это же не яд, чтоб умереть?

- Какой там яд. Вы не свободны завтра? В двенадцать, на Тверской.... Мы выпьем кофе. Да и к тому же совершим обмен.

- Вы всё расскажете про отдых на озерах.... И об отеле мне захватите проспект.

- Я приглашу вас с мужем сделать тест-заезд.

- Ловлю, Артём Семенович, на слове.

Она сама уже набрать хотела номер, но Николай её опередил.

- Да, Томми Ган, пойду я под венец. И это тоже познавание мира. Как я сейчас учусь водить машину и совершенствуюсь в испанском языке. Анжела, я хочу вас познакомить, моя подруга с институтских дней, владеет туристическим агентством, бой-френд открыл специально для неё. Она – кубинка, за два года изучила четыре иностранных языка. И настояла, чтоб учила я испанский. Мы говорим теперь между собой на русском и испанском попеременно. Что ты молчишь?

- Не разумею по-испански. Но рад, что ты, как будто, не грустишь.

- Но ты, в противовес, не очень весел?

- Как получается, любимая сестрёнка. На свадьбу я к тебе не прилечу. Ну, а когда родишь красивых деток – допустишь меня в крестные отцы?

И замолчали вдруг, опустошенно. Как будто что-то совершается всерьез. Но время своим вечным постоянством напомнило о бренности минут.

- В Москву Григорий завтра утром прилетает. А вечером уже обратно в Томск. Ты можешь два часа найти для Тахтамышаша?

- Где и во сколько мне его встречать?
 - Он сам тебя, где скажешь, там подхватит. Ну, например, в одиннадцать утра?
 - Метро «Фили», я буду там у входа.
 - Отлично. А я завтра позвоню.
-

- Так что ты хочешь, чтоб я показала? Быть может, нам удобней на метро?

Григорий слов на ветер не бросал, а лишь сориентировал таксиста:

- Каширское шоссе, *** MOSAUTODOR ***.

Столица двигалась со скоростью привычной (местами – пять, бывает - «шестьдесят»), что говорило – всё нормально на дорогах. И лишь когда приехали к объекту, Григорий, неожиданно, сказал.

- Как будет «бесконечность» по-английски? – от Тахтамыша - удивительный вопрос.

- «Infinity». Вот так же, бесконечно, я Коле пела вечный «Hymn» про «Hymen». Не представляю, как он мог терпеть.

- А что по-русски это может значить?

- «Hymn» - это гимн, торжественная песнь. А «Химэн» - это девственная плева.

Тут Тахтамыш немного обомлел. Но планы, что же делать, поджимали.

- Нам главное - успеть тебе купить кусочек «бесконечности». Сегодня.

«Infinity FX50» - подарок не для бракосочетанья. А к дню экзамена по мастерству вождения. Когда Наина обретет права.

- Сегодня полностью мы вам оплатим всё, - Григорий действовал в салоне так, как каждый день крутое что-то покупал, и сумма в сотню тысяч долларов в бюджете всегда присутствовала для спонтанных трат. - Но только мы не будем забирать. Пускай у вас на время остается. Как нам оформить?

Тут же персонал, что больше часа с них «сдувал «пушинки», вопросы «наверху» согласовал.

- Я через месяц забирать приеду, - Наина с пристальным вниманием обошла свою темно-зеленую «повозку», и неожиданно спросила Тахтамышу, поскольку он покупку оформлял. – А только, Гриша, может быть возможно, «на крупе», где название машины, две буквы с цифрами: «FX50» - убрать? «Инфинити» - пускай, конечно, будет. А эти цифры – ведь могли же отвалиться? А то какая это «бесконечность», когда её конкретные границы «эф», «Икс», да и к тому же - 50?

Проблему эту обещали разрешить. Но у Наины весь процесс покупки прекрасной «тачки» в первокласснейшем салоне сопровождался непонятной грустью, а, если до конца проникнуть в чувство, то даже откровенною печалью. Её не радовало время перемен. Она имела в собственности сумку, пять, может, платьев, да ещё, по мелочам. А тут, как бы вериги надевали, и отправляли в них в «большую» жизнь. Как будто глянцевый зелёный бегемот, который назывался «бесконечность», был той раздавленной бабочкой в рассказе, погибшей под ботинком экскурсанта, сорвавшегося с навесной тропы, воздвигнутой для путешествий в прошлое. И все вернувшиеся в отправную точку до мелочей знакомых наших дней, попали в мир похожий, но не тот, и очевидность изменений в первый миг была прогнозом для дальнейших откровений.

Казалось, что «зелёный бегемот», все памятное из прошедших лет, окрасил так: то ль не было? То ль – было? А прагматичные на будущее планы вдруг стали, словно призрачный фантом. У юной девушки, в преддверье скорой свадьбы - «Я, в незапамятных веках...» - ворочалось в мозгу.

«И что мне это в голову пришло, «из-за какой-то бабочки-малютки!». Наина внутренне одёрнула себя. А внешний вид был неизменно безупречен.

«Я Томми Гану расскажу – он посмеётся».

Григорий диктовал маршрут таксисту – в «Фили», ну, а потом – аэропорт. В машине разговаривал приемник. Ведущий говорил о новостях.

И..., грянул гром.

«Недалеко от Томска этим утром предотвратили рейдерский захват одной из крупных действующих вышек частной компании «КузАлНефтегазпром». Владелец, он сейчас живет в Москве, охотно контактирует со СМИ. Он рассказал, что группа недовольных, под руководством некоего Штольца, который раньше был там главным инженером, имея сильную поддержку в лице руководителя охраны Лазарева, собравшего отряд из отморозков и уголовников со всей Сибири, имея на руках лишь 25% акций, блокировали офисный отсек, конфисковали файлы документов. При грамотном вмешательстве ОМОН – сопротивлялись.... Завязалась перестрелка.

Порядок на объекте наведен. Двое ОМОНовцев доставлены в больницу. В рядах захватчиков четыре пострадавших, один скончался по дороге в медсанчасть.

Ещё одна есть жертва в инциденте. На подъездном шоссе в своем автомобиле взорвался и погиб один из главарей, Лазарев младший, Николай Петрович, известный в криминальном мире Томска под прозвищем «Цыган». По достоверным сведениям СМИ, «Цыган» был явный лидер группировки, противоправным действиям которой последовал немедленный отпор. В последний месяц, рассказали в УВД, «Цыган» всё больше набирал авторитет в кругах определенных, и многим он дорогу перешел. Взрыв активирован дистанционным пультом, и лишь тогда, когда водитель смог пробраться сквозь огромную толпу собравшихся у офиса рабочих. Добрался до безлюдного шоссе и стартовал с огромным ускорением. Взрывной волной машину выбросило в воздух и вся сгорела в несколько минут.

Открыто дело. Следствие ведется. Для «Авто-Радио». Борис Агеев. Томск».

- Ну что, вы едете? Вон сколько голосует, - шофёр уже давно завёл мотор. Они ещё стояли у машины, в прострации, не в силах осознать. Григорий всё-таки проговорил таксисту: «Включите счётчик. Мы немного подождём».

И в несколько движений закурил, сраженный неожиданным известьем. Наина, как стояла у машины, у задней двери где открытое окно, так и держалась не меняя позы, со взглядом, устремленным в никуда. Настало время попытаться что-то сделать. Григорий медленно нёс к уху телефон.

- Да..., - и он слушал, очень долго слушал, и в жутком напряжении молчал. Наина стала на него смотреть, как бы поддерживая протяженность связи. Но Тахтамыш, не поднимая глаз, с остервененьем бросил сигарету. – Минутку, я сейчас поговорю.

- Сегодня в восемь мой обратный рейс. Но я могу лететь и в десять тоже, если ты хочешь....

И услышал - «Да!»

Потом спросила: «Значит..., это всё? И Томми Ган отныне недоступен?» -

- Похоже – правда, - отозвался Тахтамыш.

- Тогда единственное, что мы можем сделать, - Наина с другом все же заняли такси. Кто знал, какое горе, ужас, мрак наполнили Наину до предела. И это вылилось в физический порыв. Все действия, что надо совершить, ей даже представлять не приходилось, как будто голос свыше диктовал. Они с Григорием на этом же такси поехали по новому маршруту. Заехали в цветочный магазин и выбрали по двадцать лучших роз, из белых набрала себе Наина, а темно-алые, ещё темней чем кровь, составили букет у Тахтамышаша.

Рожденные в бескрайности Сибири, они не знали про окрестности Москвы, и что они настолько живописны. Теперь не время было что-то узнавать, а просто попросили у

таксиста везти туда, где берег над рекой - крутой, песчаный, и на нем должны быть сосны. Хоть островок могучих исполинов.

Водитель знал такое место на Оке, хоть и не близко – выбирать не приходилось. Но Коля будто позаботился о них – на их пути, в движении, в этот час, не наблюдалось и подобья пробок. И редкие машины от Москвы шли в четком скоростном режиме.

И, что сказать, водитель не подвел - здесь оказалось и не хуже, чем над Томью. Намного полноводнее река, и берег выше, и, пожалуй, круче. И у Наины подтвердилось ощущение, что нужен именно такой просвет в природе, где ещё можно с другом пересечься. Хотя он вышел на дорогу в вечность..., а общий микрокосмос, неделимый, он ей одной оставил сохранять.

Берег Оки был вероломно крут, но по почти отвесному обрыву все же вела опасная тропа, и, пусть немногие, но полные отваги, могли, перешагнув через сомненья, попробовать добраться до воды. Не отягчаясь календарным сентябрем, ещё во всю господствовало лето, а время дня ещё к тому не подошло, чтоб воздух, весь наполненный теплом, мог допустить вечернюю прохладу.

Наина обратилась к Тахтамышу.

- Ну, что ж, пойдём. Наш путь туда, к реке. – И вежливо шофера попросила, - Мы не надолго. И потом – в обратный путь.

С цветами, по обрывистой тропе, они спустились, грациозные как лани, когда их жажда позвала на водопой. Наина сбросила ненужные одежды и обняла букет из белых роз с таким неистовым отчаяньем и силой, что тело тут же обагрила кровь из мест, что были проткнуты шипами. А Тахтамыш спросил:

- Что делать мне?

- Ты тоже с ним так можешь попрощаться. Потом мы пустим розы по течению, а кровь смешается с речной водой, и где-нибудь сольется с кровью Коли, которая в земле теперь живет.

И волевым конкретным предложением Наина прорвала оцепенение, в котором Гриша до того момента был. Он перестал захлебываться в горе, что – как мы одиноки в этом мире. И вдруг почувствовал, что Коля где-то рядом, и к месту оказался ритуал - такой возвышенный, понятный и доступный.

Наина разбирала свой букет, цветок отдельно отпускала в воду, и еле слышно говорила: «В добрый путь».

И вот уж Тахтамыш теперь разделся, и все слова, что сказаны Наиной, как руководство к действию приняв, неумоимо протыкал себя шипами, как будто бы хотел отдать для брата всю в теле протекающую кровь.

- Ну, хватит, ты ещё обязан жить. И так, чтоб Николай тобой гордился.

Григорий розы по течению пустил, а с ними свою огненную кровь. Через моря в бескрайний океан.

Из Томска Тахтамыш всё подтвердил.

Как Коля Лазарев завел свой Форд Мустанг - и сквозь толпу на отдалённое шоссе, где газанул в четыре с лишним литра - так и навеки скрылся в небесах. Оставив на земле обугленное тело, что вместе с обгоревшей машиной раскинул в клочья учиненный взрыв. Нашлись какие-то приемлемые части для проведения экспертизы ДНК. Так, по частям установили личность. Что сохранилось - положили в гроб, чтобы семье отдать в закрытом виде. Закрытый гроб, закрытая судьба. Григорий рассказал:

- В семье есть деньги. Родителей его я навещу. Но, честно говоря – зачем им я? Брат Вячеслав, похоже, даже рад, что он от брата смог освободиться. Ведь Коля вырос лидером во всем, и Славку поучал, что надо делать. Теперь тот будет жить своим умом, а это значит – будет жить холуем.

- А как его ребёнок и жена? - Наина механически спросила, хотя без промедленья поняла, насколько ей всё это безразлично.

- У них же есть Новосибирск, дадут им денег....

Потом вопрос наткнулся на вопрос.

- А ты как думаешь с собою разобраться?

- А что ты сам наметил предпринять?

Григорий вёл рассказ издалека.

- Есть один парень – вертолетчик в МЧС, он Николая уважал, я с ним связался. Мы с ним сегодня к Алатау полетим, я вроде бы скалу одну запомнил. Вот и хотелось посмотреть, как всё вблизи.

- Нет, Тахтамыш, всё это ни о чём. Ведь если ты со мной не откровенен, тогда, что совершили на реке - полнейшая выходит ерунда. И ничего на свете нет святого.

Григорий свою мысль не потерял.

- Так вот, мы на скалу взглянуть хотели. И если она снизу неприступна, а камень может выстоять века, то завтра у неё владельцы будут, чьи души туда смогут прилетать. И есть резец, чтоб появилась надпись: НАИНА – ТОММИ ГАН.... И..., ты прости, но я хочу

быть постоянно с вами. Нет для меня людей, дороже вас. Поэтому, пониже – пусть все знают, я припишу себя – и - ТАХТАМЫШ.

Последовало долгое молчанье. Григорий в это время снова вспомнил, что для него невысказанно прийти на кладбище к пустому гробу друга, и лишь подпиткою общения с Наиной он сможет, пусть не часто, возвращаться к таким бесценным юности годам.

Наина думала и плакала беззвучно, и слезы успокаивали боль. Пока вдруг не прошло оцепенение и ей неважно стало почему, зареванные губы повторяли: «Infinity. Forever. Tommy gun».

- Скажи, я замышляю ерунду? - услышала она сомненья друга.

- Всё так, Григорий, абсолютно так. Я просто успокаивала слёзы. Не надо нам могилы и венков, и памятной плиты, где дата смерти. Когда родился - знаем мы и так. И будет жить, пока мы будем живы. А на горе – пусть знают облака, что есть Наина, Томми Ган и Тахтамыш.

А горевать не позволяло время. Ей в гардероб прислали белый туалет.

Всё началось торжественным обрядом:

- Согласны, Глеб Михалыч, взять Наину?

-Согласны вы, Наина Львовна, стать?

Продолжилось всё целым представлением, с сюрпризами, артистами - из тех, кто только «сильных» мира развлекают. И нескончаемым помпезным торжеством в одном из самых модных ресторанов. Но, слава Богу, что Наинин светский лоск, уже не только был подарком от природы. Её занятия йогой, и диеты, и школа подиумов, что она прошла, не сделала жестоким испытанием необходимый свадебный банкет. И Глеб был с нею рядом неотлучно. Его немного напугал внезапный спад, что он заметил в настроении Наины. Предположений он не делал никаких, а спрашивать - тем более не думал. За то, что согласилась стать женой – ещё сильнее любил «царицу моды».

Их свадьба в светской хронике событий почти полдня светилась красною строкой. У подиума есть свой «Млечный путь», сродни «Аллеи звезд» у Голливуда. Попавшие туда вовек не гаснут, а постоянно украшают небосклон. «И только, - думал Глеб ещё до свадьбы, - придется постоянно напрягаться, чтобы доходный бизнес не «провис». Все говорить должны: « Вот это Ухов!», а не какой-то там «деляга, Шуйской муж».

Наина перед свадьбой говорила: «Я не хочу, чтоб были родичи из Томска. Ты – бизнесмен, а я, пожалуй что – актриса, сейчас прислали три сценария смотреть. Ты захотел меня ввести в свою среду. И я должна быть очень легкой, без грузил. Зачем нам матушка и пропитой

отец? Нужны они директорам концернов? И президентам холдингов различных, кого мы «честь имеем» пригласить?

- Тогда друзей из юношеских лет.

- Я бы хотела видеть одну пару – Лариса и с ней юноша Григорий. Я познакомлю их с тобой, и это всё. Они приедут, чтоб меня поздравить. И их не надо будет развлекать. А к маме мы потом поедem в гости, чтоб ты не мучился, любимый, угрызеньем, что в жёны взял невесту-сироту.

- И даже Элтон Джон не очень нужен, - услышал Ухов мнение гостей. Такой бальзам на сомневавшуюся душу. Творящие веселье мастера, высокой марки шоу-бизнеса адепты, сумели так настроить атмосферу, что свадьба ожидания превзошла. Глеб упивался суетой общенья. Он представлял своих друзей Наине. Ей не было нужды запоминать. Она просматривала список приглашённых и имена ей ничего не говорили. А шумное застольное веселье она не разделяла никогда.

Молодожены поселились на Мясницкой. Глеб выкупил этаж в старинном доме, где думал свить семейное гнездо. Но Шубиной была не по нутру закрепощенная машинами столица. Душа рвалась к свободе и простору. И Глеб построил за городом дом.

Но после свадьбы предстоял медовый месяц. Глеб предлагал поехать на Бали, её манила Старая Европа. Поэтому они сошлись на том, что две недели отдыхают на Канарах. Глеб вспомнил мягкий бриз на Тенерифе, просторы пляжей с вулканическим песком, и нескончаемое время карнавала. Он заразил воспоминанием Наину. Ей снились волны у прибрежных скал.

- Представь, какой двусмысленный сюжет, - Наина высказала мысль последних дней, пока шофёр их вёз к аэропорту. – Мы едем отдыхать в испанский рай, царящий у подножия вулкана. И я припомнила слова:

Все, все, что гибелью грозит,

Для сердца смертного таит

Неизъяснимы наслажденья.

-Да, дорогая, остров из вулкана. Вот взяться за него да обработать. Наверно столько ископаемых внутри.

- Не знаю дорогой. Тебе видней.

VIP зона отнеслась с большим вниманием к блистательной супружеской чете. Но даму всё же что-то волновало. Быть постоянно в объективе сотен глаз было в утраченной профессии Наины. Но VIP персонам в ожидании отлета обычно мало дела до других. И если кто-нибудь пытался проявить к своим попутчикам малейший интерес, а уж тем более стремление к общению, определённо отдавало «моветоном».

Наина игнорировала стойко, что кто-то поедал её глазами. Но это стало слишком откровенно. И голова уже достигла поворота, чтобы забывшему о степени приличий надменным взглядом его место указать.... Когда.... Наина очень удивилась, что это психотерапевт Васильев, не будучи представленным супругу, старался всячески привлечь её внимание и, может быть, суметь поговорить.

- А вы куда, Артём Семёнович, летите? – без напряжения окликнула врача, как будто дружат и вовек не расставались. – Глеб, познакомься – господин Васильев. Ты помнишь про Швейцарию проспект? Артём Семенович - всех этих вилл хозяин.

- А я в Лозанну, - комментировал Артём. – И рад вас с новым статусом поздравить.

Васильев ещё что-то плёл про свадьбу. И памятуя, где находятся сейчас, спросил, куда летят молодожёны.

- Обрато на Москву без пересадок? – и было видно, что не праздный интерес. – Ведь можно и удобно через Цюрих. Я встречу с радостью, и вы бы посмотрели, что и у нас отлично отдыхать.

При этом дал главе семьи проспект отелей, и рассказал, как много знатных русских предпочитали отдых у озер и славили Швейцарскую Ривьеру.

- Какой располагающий субъект, - Глеб неожиданно припомнил в самолёте, - как будто тыщу лет уже знакомы.

- Так и давай заедем дней на пять, - Наина очень здраво рассудила, - Карибы, море - южный вариант. А в Альпах горным воздухом подышим.

Артём Семёнович вполне вписался в планы.

А дальше так оно и повелось.... Чуть что – они в Швейцарию, на отдых. Отель Васильева украсил склон горы. Весь этот комплекс разной давности построек, с предельной тщательностью вписанный в пейзаж, дизайнер умудрился воплотить как собственное детище природы. Со множеством различных, современных, технических решений всех задач для ублажения гостей. Хотя на первый взгляд всё было очень просто.

Наина к доктору Щегловой не ходила – они с супругом рассудили любовно, что рано заводить теперь ребёнка. Наина ещё очень молода. Ей не казалось радужной идеей определяться в ряд домохозяек, с заботой о ребенке и семье, когда вокруг неё все бизнес-леди. Да и саму её господь всевышний умом и красотой не обделил.

Она пошла к Анжеле в турагентство, чтоб креативно разрабатывать поездки. Два путешествия, которые Наина продумала для Глебовых друзей, прошли настолько необыкновенно, что те стремились абсолютно всем дать похвалу по поводу Наины. И все желающие ехать отдохнуть создали очередь у Ухова супруги, желая с нею разрабатывать маршрут. А операторы – подручные Анжелы, давно трудились с эталоном «люкс».

Анжела ездила на родину два раза, но возвращалась раньше, чем должна, настолько ей Россия стала домом. Так происходит у привязчивых натур, когда они друзьями обрастают, и уж потом без них не мыслят жить.

- На Кубе стало все «американо», - Анжеле нравилось о братьях вспоминать. - Их четверо, «кубаносов»-подростков, а старшего я нянчила сама.. Так все они в Америку хотят. Луиса жалко, он бы мог быть поумнее. А то, боюсь, подсядет на иглу. Марихуану за простой табак считают.

Наину мучила возможная бесплодность. Но консультации известнейших врачей ей не могли бы дать ответ про вероятность. Тут только практика могла дать результат. Глеб весь был в бизнесе, стремился преуспеть, и по всему – успешно получалось. Что ей не следует рожать – они решили. Она всё время при любви предохранялась, и ей Анжела посоветовала так.

- Пусть он в презерватив извергнет семя. А ты его с собою в туалет, когда пойдешь проделать гигиену. И семя Глебово в себя перемести – вот и узнаешь, понесешь ли ты во чреве. Всё надо пробовать, пока ты молода. А выйдет что – предохранялись плохо. Есть, слава Богу, экспертиза ДНК.

Наина слушалась, но в чреве не несла.

К Васильеву, в его пансионат, они старались чаще выбираться - прекрасный воздух, удивительный комфорт. А тут она заранее узнала, что Глебу предстоит лететь в Берлин.

- А я-то думала – в Швейцарию поедем. Уже два месяца не отдыхали там.

- Ты, милая, звони и поезжай. А я, как только кончатся дебаты, так сразу – в поезд, и в наш райский уголок.

Наина Ухова приехала одна в пансионат «У психотерапевта». Ей очень нравился Васильевский отель. Артем Семенович встречал Наину в холле.

- Я дам распоряжение о цветах. Сегодня розы или орхидеи? Присядьте. Я вернусь и провожу.

И с чувством, что приехала домой, жена магната утонула в кресле. Неторопливо осмотрела холл.

«Я где-то видела похожее лицо, - взгляд приковала очень строгая девица, что выговаривала девушку с ресепшн. – Ну, если чуточку косметику убрать? Да и переодеть намного проще?».

Вопрос не наткнулся на ответ, хоть Ухова не уставала думать. Девица двинулась, пересекая холл. Приезжая решила расспросить.

- Простите, а вы не были в Москве? – та удивилась на внезапный русский,- Excuse me, have you ever been at Moscow?

- O, sorry I have never been at Russia.

Наина думала: «И что девица врёт? Ведь я её наверняка узнала».

- I beg your pardon – may be something else?

- Nein, Danke, - и Наина утвердилась, что «там», «тогда», и с этим же лицом, она конкретно вспомнила кого-то, кто мельком серой мышкой приходил. И, чтобы убедиться, уточнила.

- А как давно работаете здесь? Как вас зовут?

- My name is freicen Marta, - и на бейджик указала. - И я работаю уже четвёртый год.

Приход Васильева, исчезновение Марты вписались в день, которым жил отель. Но у Наины сохранилось удивление.

Артем Семенович выказывал заботу. - Вы отдыхайте, встретимся потом.

- Я к вам зайду, как соберусь на ужин, - довольно холодно ответила она.

В апартаментах распускались орхидеи.

- _____

- Я не ошиблась относительно девицы?

Наина понимала, что Артём, с его огромной информацией событий, его умением разобраться в них, конечно, среагировал на Марту. Васильев больше удивился на Наину. Что мимолетное из прошлого виденье не только всплыло, но нашло определённую, и что Наина умудрилась просчитать.

- Вы безошибочно узнали «хаусклининг». И, может быть, поведаете – как?

- Для русских, но не знающих Россию, для всех самонадеянных людей, и не подумаю пускаться в объяснения, что мы по прежним калькам, как всегда, сначала слово в воздухе напишем, и станем к нему доски прибавать – иначе мы не строили заборов. В поселке, где проезд по двум дорогам, и кое-где фонарные столбы, вдруг появляется незванный «хаускипинг». И на лице - недеревенский марафет. И строгий бейджик - не бумажка на булавке, а правильный промышленный продукт.

- Что ж вы, когда во всем разобрались, её на месте не разоблачили?

- Я на вопрос – вопросом: а зачем? Пускай себе, что надо подчищает. Да я не думала о глупости такой. Ну, а сейчас – взглянула и узнала. И что она тогда для вас нашла?

Артем Семенович внезапно снял очки. Его глаза, утратив защищенность, придали выражение лицу, как у какой-то хитроумной хищной птицы, спокойно ждущей гибели добычи, заведомо назначенной ему. Надел очки и начал говорить.

- Поверьте мне, что я, Наина Львовна, довольно небогатый человек. И те доходы, что приносит мне лечение, как говорится – курам на смех, псу под хвост. Я продаю, Наина Львовна, одолженья. В начале, может, и недорого беру. Ну, а потом – расплачиваться с гаком.

, - Так и со мной такой, выходит, случай?

- Ну, абсолютно же такой, Один-В-Один.

- Какая глупость! Что я натворила?

- Вы обратились – я достал «Декапептил», хотя он вовсе запрещен к продаже. Вы напоили препаратом человека, хотя используется этот препарат сугубо лишь в судебной медицине. И для того, чтоб он был применен, необходимо добровольное согласие на проведение химической кастрации, которое преступник должен дать. Насильник его пишет от руки, а адвокат и прокуроры заверяют. А вы же, вызвав кавалера на свиданье, его стать импотентом обрekli.

- Я ампул так ему и не влила. Я говорила вам – они разбились.

- А это все неважно никому. Мне Марта принесла презерватив, там ДНК и ваши, и Володи. Вы мне вернули упаковку ампул – на нем сплошные отпечатки ваших пальцев. А убивали вы покойного, иль нет – я в суд не собираюсь обращаться.

- Так что же вы хотите от меня?

Васильев явно не спешил с ответом, но с точностью прочувствовал момент, когда молчание прервать необходимо.

- Хочу то я немного – миллион. И тёмное пятно на вашем прошлом.....

- А где гарантия, что через пару лет, вы к этой теме возвратиться не решите? Вы заготовили мне подленький сюрприз. И сами рассказали, что ваш бизнес дает доходы, когда тайны пациентов, под явною угрозой разглашения, вы им же предлагаете купить.

Она задумалась, немного принужденно, над массой неожиданных вопросов. Её античный профиль красовался в пастельном освещении кабинета. «Быстрее думай, разработчица стратегий, чего склонилась своей гордой головой?» - примерно так подстегивал Васильев.

- Так вы же знаете, что миллиона нет, - уверенно ответила она, сумев не проявить негодование. Меж уголками губ плыла улыбка уверенной спокойной простоты. Но сердце ощетинилось презрением.

- Вы женщина замужняя у нас, - Артем упёрся в болевую точку.

- Но я у мужа денег не беру. И, я надеюсь, никогда не буду.

- Не надо денег ни просить, ни забирать.

Сказал Васильев и внезапно замолчал. Поднялся, походил по кабинету. И, наконец, подсел к Наине ближе.

- Мне непонятно, как возникли подозрения, или скорее - эти недомолвки. Я действовал предельно откровенно, когда вы свои сложные вопросы хотели с моей помощью решать. Я говорил вам о цене и о проблемах. Я в самом деле Марту посылал, чтобы убрать ненужные предметы от бдительных и посторонних глаз. Кто мог представить ваши трезвые мозги?

-Зачем тогда трясти презервативом и вспоминать про отпечатки пальцев?

- Наина Львовна, вы же мудрая особа. А иногда - совсем, как детский сад. Я устрашал вас для сгущенья красок. Как вас, выходит, запросто поймать.

- Так вы же цену за молчание назвали?

- Я никакой цены не называл. Сказал – хочу я миллион, а кто не хочет? Я полагал, что первым делом мы друзья, и лишь потом, как врач и пациентка. Вы с Глеб Михалычем всегда для нас желанны.... А вы отстроитесь, и я приеду к вам.

«И что-то во мне возникли подозрения? Всё это нервы.... Если выплусь, то пройдёт».

– Тогда пришлите мне чего-нибудь для сна.

- Собственноручно приготовлю вам напиток.

Здесь Уховы считались старожилы. Иные действия уже вошли в привычку. Наине нравилось, не выходя во двор, ходить по лабиринтам переходов, какими изобиловал отель. Была там пара лестничных пролётов, два коридора незначительной длины и полукруглая терраса, взгляд с которой, ей понравился в первый день знакомства. Стена из толстого каленого стекла была по сути, как окно в природу. Почти вплотную прилепился склон горы.

« Ты как дитя, *Pulsatilla alpine*? – Наина обратилась к «сон-траве», простушке Альп из белых лепестков с доверчиво открытым жёлтым сердцем. – Ты в благостной природе заночуй, а мне со сном волшебник наш поможет».

И будто бы, совсем издалека, раздался звук глухой и очень низкий – альпийский рог завел ночную песнь земле. Его мгновенно эхо подхватило и скрылось с затиханием вдали – довольно на сегодня суеты, а новый день уже стучится в двери.

Она заснула, как успела смежить веки. На протяжении забвения в ночи ей не привиделись сюжетные картины, а словно бы в лазоревом тумане беспрекословно колыхалось тело по пожеланью перемены поз.

Она открыла поутру глаза, как будто вечером прикрыла на минуту. По циферблату с удивлением узнала, что этот сладостный и благодатный сон ей лелеял где-то семь часов. А тот бокал, что ей прислал Васильев - две трети райского напитка отпила. Всё тело наполнилось притоком юных сил, душа горела жаждою свершений.

«Волшебный, дорогой Артём Семёныч!», - единственно подумала она. И встрепенулась под бодрящим душем.

Текст занял с перерывами два дня.

Она прошла среди исписанных страниц – отлично знала, что придется править, но это нужно делать не сейчас. Насмешливый характер, между тем, часть из написанного видел, как абсурд. Наина Львовна часто размышляла, что лишь абстрактное крыло литературы имеет право называть себя искусством в бесстыдном прагматизме наших дней. А все попытки жизнеописаний, как ни был мастерски употреблен сюжет, придется счесть лишь опытом подростка, который в школе был мастак до сочинений, и никаких сомнений не имеет, что может лучше Гоголя писать – ведь он так много в этой жизни знает!

« Всё человечество - такой смешной народ!» - любила повторять Наина Львовна, когда о чем-то думала одна. И как бы горько ей ни становилось, что и сама-то не из ряда вон куда, но заставляла себя думать: «Жизнь – игра. И без азарта интереса в ней не будет».

Она увидела, что друг Натальи Балк, ночной кликуши, проживающей под боком, почти приблизился к её входным дверям. Как, впрочем, и должно было случиться. Она взглянула на начало текста:

« Наина девочкой приехала в Москву....»

И вывела курсивом заголовок:

РОМАН для АБРАМОВИЧА. В стихах.

И не нажала - «Завершение работы». Компьютер жил, хотя экран потух.

Звонок, как три удара кастаньет, не вызвал диссонанс в покое дома. Наина примостилась в кресле холла, и с пульта, не спеша, дистанционно, лихому гостю открывала дверь.

В проеме появился силуэт. А в дом проникла брошенная тень, чуть удлинившаяся от лучей заката. Тотчас же с двух сторон прожектора его поймали, как певца на сцене. Он источал уверенность в себе и явную приветливость хозяйке.

- Вы скрыты в сумраке, меня же свет терзает.
- Хозяин должен видеть, кто пришел. А что случилось, где моя соседка?
- Ей нездоровится. Я еду в магазин. Могу вам захватить, вдруг что-то надо.
- Спасибо. Нам не надо ничего. А вы за чем? Какие-то лекарства?
- Да нет. Наталья выпила и спит. А мне купить чего-то захотелось.

Закатный свет усилил полумрак большого холла с высоченным сводом. Но из-под купола на четырех цепях спускался несомненный раритет - достаточно диковинный светильник. Он зависал уютно над столом, который в окружении из кресел смотрелся, как оазис среди тьмы, когда Наина «раритет» включила.

- Я бы могла вас чаем угостить. Вы, помню, побеседовать хотели? Мои должны приехать через час.

Для чая всё сыскалось под рукой. Он захотел пить чёрный с бергамотом. Она пила зелёный, как всегда.

- Так я запомнила, Роман, что вы коллектор. У вас агентство, или сами по себе?

- Есть и агентство, всё от степени проблемы. Вопросы разные, различен и подход. Вам это интересно просто так, или нужна конкретная работа?

- Да что вы, я сейчас не о работе. Меня заинтересовали вы. Вы – Абрамович. Что вы – родственник ему?

- Кому – ему? Арону, или Лейбе? А может, и кому-нибудь ещё? Вы спрашивайте, чтоб я мог ответить.

- Роман Аркадьевич. Кто он-то будет вам?

Свет был не ярк, но высвечивал вокруг стола квадрат. Хозяйка с гостем, будто бы на сцене, друг друга видели без игр полутьмы. И давишное ощущение силы, что парень на Наину произвел, при освещении в упор не растворилось. А может, и усилилось ещё. Но вовсе не атлет сидел напротив. Роман, как посвященный каратист, держал заряд энергии в запасе, готовым выплеснуться в заданный момент.

Отнюдь не рослый, складный, худощавый, не очень видный посторонний человек.

- А я и сам не знаю – может дядя? А тётка думала, что чуть ли не отец. В событиях невозможно разобраться.

Наина выбрала одну из ярких книг, что на столе нагромоздились стопкой.

- Вот, посмотрите – предпоследнее издание, - и гостю через стол передала.

- Хм, детектив, - он посмотрел, кто автор. – Я Катерины Рупской не читал. Какая-то, видать, подруга ваша?

-Нет, это я. Иначе скучно жить. А К.Рупская – это псевдоним.

- И что же, уже много настрочили?

- Четыре книги. Скоро будет пять. А может – шесть, если о вас хотите.

- Тогда я вам и вправду расскажу. Вам, как писательнице, будет интересно. Но уговор – покуда не писать.

- Я лишь тогда, даю вам слово, напишу, когда вы мне не просто разрешите, а с просьбой обратитесь - написать.

И он рассказывал такое - «уши вяли».

« Вот, Абрамович - он служил под Киржачем. Так городишко, у Владимира под боком. Родители его погибли рано, но с воспитаньем не оставили дядья. Сначала жил в Ухте у дяди Лейбы, потом дядя Абрам позвал в Москву, где Рома школу среднюю окончил. И состоялся воинский призыв.

Назваться Абрамовичем не сложно, когда родился в те года под Киржачем. Никто и не подумает придраться. Представь себе – идет солдат в отгул, а девки уже ждут у караулки. Вот так и крутится отгульная любовь, а сколько из гулящих залетает? Вот безотцовщине и

ляпают порой: «Да, что ты, ведь отец твой ---Абрамович. Лети ты в Лондон и добейся ДНК».

А тут ещё история другая.

В то время, у уже прошедших службу, был принят, что ли, «дембельский аккорд». Когда солдаты, возвращаясь на гражданку, для части, что была родным их домом в течение всех долгих двух годков, должны что-то полезное «заделать», чтоб память о них долгая была. И без «аккорда» по домам не отпускали.

И вот, Роман Аркадьич со друзьями должны очистить от деревьев целый лес, размером, что футбольная площадка. Да что я – поле, или вовсе стадион. А может просека для будущей дороги.

И от того, как быстро всё исполнят, зависело, когда их дембельнут. Расчистят лес, и сразу по домам. А где такие силы - напрягаться?

И вот, Роман такой придумал план. Он это поле раздербанил на делянки.

А возле части, полчаса ходьбы, совхоз животноводческий страдал, не зная, чем грядущею зимою коровники удастся отопить, и прочую домашнюю скотину. Да и самим не улыбалось околеть.

Когда Роман пожаловал с идеей, чтоб мужики делянки раскупили, и лес с них заготовили себе - они не знали, как благодарить. В три дня расчистили участок, словно плац, да и деньгами кучу отвалили. Он эти деньги на три части поделил – армейскому начальству, как и надо; ребятам, остававшимся служить; и дембельской бригаде – на дорогу. И все Романа Абрамовича хвалили: «Какой, - все говорили, - светлый ум!».

- Так он уже тогда, мудрец безусый, всё сделал словно чистый бизнесмен, - непроизвольно вставила Наина.

- А кто же что ещё про это скажет? И Пушкин ведь в пятнадцать лет написал: «Утешься, мать градов России».

- Да вы с Натальей, жаль – она больна, как будто бы свалились с книжной полки. Она про вас – Виссарион Белинский, а вы с цитатою из «Царского Села».

- Я эту аналогию привел, чтоб Абрамовича поступок обозначить. Запоминающимся «дембельским аккордом» Роман Аркадьич свою службу завершил.

Но та история имела продолженье. С другим набором действующих лиц.

Тогда ещё российские рок-группы крутились в поиске участка на природе, чтоб летом провести там фестиваль. Не знаю я, откуда прозвучал, но все услышали и подхватили клич: «Давайте-ка поедем под Владимир. Кругом леса невероятной красоты, и кто-то земляничную поляну размером, как огромный стадион, расчистил, что пеньки одни

остались. Так это чтобы публике сидеть. Мы строим пару-тройку эстрад, и с них фанатов творчеством насытим.

И все приехали. И даже Макаревич. Он предложил устроить дайвинг-клуб, в том месте, где Киржач впадает в Клязьму, если расчистить всё и углубить. А Лагутенко - отделение пропел. Потом сказал вполне определенно, что в здешних заповеднейших местах и уссурийский тигр мог популяцию повысить, если поблизости возвышенности есть.

Арбенина приехала с Верленом, и с ними в группе был ещё Рембо'.

Наина уточнить хотела: «Рэ'мбо». Рассказчик настоять сумел: «Рембо'. Они ей составляли бэк-вокал в непревзойденной рок-балладе «Кошка».

Шевчук и все ребята ДДТ на акцию протеста прикатили – прошла молва, что вырубают лес. Нелепость слухов скоро прояснилась. Тогда они настолько разошлись, что «на-гора» два отделения пропели. И публика безумствовала: «бис», чтоб повторили: «К сволочи – доверчива».

БИ-2 прислали саунд-трек на диске, они приехать не могли никак

Наине несколько наскучил балаган. Она откинулась на кресле с чашкой чая, но и не думала пришельца тормозить. Меж тем – он будто лекцию читал. Сидел спокойно, не меняя позы. И простодушно разворачивал рассказ, без взглядов на реакцию хозяйки.

Наина вклинилась в момент одной из пауз и тихо задала прямой вопрос:

- Так значит вы – «сын лейтенанта Шмидта», сменивший имя в свете наших дней?

Роман открыто глянул на Наину.

- Ну, знаете ли, после ваших слов..., - и обнаружил белозубую улыбку. – Я только и могу ответить – да.

- Но у тебя же есть какое имя? Пускай не звонкое, но всё-таки - твоё?

- Конечно же. Михайло Ломоносов. Ну, а для близких – просто Билли Гейтс.

Хозяйка дома поднялась из кресла, и вышла в тень, к открытому окну. И было слышно, прошептала: «Вечереет».

- Ну я тогда, пожалуй, что пойду. Простите, если что не то сказал. – Он начал к выходу идти неспешным шагом.

- Я так и вижу – вам не очень интересно, - сказал «владимирский мужик» почти в дверях. – Зовут меня Арсений Петухов. Но это тоже кто-нибудь придумал.

- Я бы, наверное, должна теперь сказать. – Наина вдруг торжественные ноты почувствовала в голосе своем. – Послать, как Пушкин. Мол: «Ступайте себе с богом». Но,

дайте посмотреть – который час? Что до меня, то время позволяет. Я написала вам историю свою, но..., распечатать? Свои личные страницы? Не возражаете - я дам вам прочитать. Мою историю с экрана монитора.

- В безумном темпе Тины Канделаки. Где ваш компьютер?

Они быстро устремились по лестнице в рабочий кабинет.

Экран светился воплощением мысли:

«Роман для Абрамовича». Стихи.

- Спасибо за прекрасное название.

- Ведь я не знала, что ты Петухов. Пока читаешь, может дать вина?

- Ты думаешь, мне так не интересно? Сухого, красного, немного - в самый раз. Ты трогаешь своим гостеприимством.

Арсений рьяно принялся за чтение.

Но, несмотря на красное вино, лицо порою грустным становилось.

Когда прочёл, что сон в Швейцарских Альпах, который все сомненья убирал, Наине даровал всегда напиток, искусно приготовленный врачом, часы показывали – время истекало.

- На сколько же тогда вас раскрутили? – не удержался не задать вопрос.

- Вот и отлично, что не надо объяснять. Меня-то он нагрел – да это бог с ним. Он так супруга умудрился развести, что мы сейчас на грани разоренья. Одно название - психотерапевт.

- Так помощь моя всё-таки нужна?

- А вы подумали, что приступ вдохновенья? Всё написать и дать вам оценить?

Арсений стал весьма сосредоточен. Такого выражения лица Наина прежде у него не наблюдала.

- Ты говоришь – когда приедет муж? – Арсений время размечал, чтоб делать планы.

Наина тотчас же нажала на «Samsung»: «Любимый? Я немного беспокоюсь».

И видно было в выражении глаз, как слушает и что соображает. Потом сказала: «Пусть он съездит сам. А я приеду за тобою на заправку. Ну что без надобности ты поедешь с ним?»

- Мне нужно на заправке встретить мужа. Давайте завтра.

- Не подбросите меня? Я сам за руль садиться не хочу. Увидите, кто у меня напарник.

- Ну, что ж, подброшу.

И отправились в гараж. Верней, Арсений сразу двинулся к воротам, чтобы к Наине после выезда подсесть. И выехал «зелёный носорог», в вечерний час смотревшийся, как чёрный.

- Так ваша «Бесконечность» не ушла? Я думал – нету больше «бабочки-малютки».

- Это у Пушкина всегда такой конец: «А перед ней разбитое корыто». «Infinity» с тех самых пор моя. Как декларация единства с Томми Ганом.

- В горах, на скалах, настоящий друг - сумел увековечить вашу память?

- Конечно. Высоко, где облака.

Дорога мягко округлилась поворотом.

- «Лэнд Круизер» уже встречает нас, - заметил он машину на проселке.

Из джипа вышел крепкий паренек. Хотя по возрасту - мужчина средних лет, должно быть в неплохой спортивной форме. А выйдя – задержался, явно ждал.

Арсений попросил: «Притормози. И с вами на сегодня распрощаюсь. А парень у машины - Леонид, мы с ним дела работаем в тандеме. Я не уверен, что вас надо представлять. Подумаю, до завтра будет время. Если, конечно, это не порыв, и завтра не услышу: «Что за дело?»».

- Послушайте, Арсений, всё всерьёз. Одной мне не под силу разобраться. Вы мне поможете?

- Я завтра подойду.

--

Когда уже и Глеб совсем уснул, да и сама почти что сном забылась, к Наине вдруг пожаловала мысль: как, интересно, теперь выглядит она? Со стороны, совсем нейтральным взглядом? «Наверное – уверенная дама, почти шагнувшая к расцвету красоты. А может – перезрелая бабёнка, с одной потугою – казаться молодой». Мысль моментально отразилась в слове, проверенном, написанным другом.

В «Романе Абрамовича», в конце, где было сказано, что: «под бодрящим душем», она писала, что ей память принесла:

Теперь исторгну (я не помню) жгучей всех?
 У пьяного поэта(точно) — слезы,
 У пьяной проститутки(вряд ли) – смех».

Как всё же удивил её пришелец!

« Я наблюдала, как ты пил вино, читал мой бред, и, показалось - плакал. Ведь ты поэт, Арсений Петухов. А, что Наталья – проститутка, это точно. И я родителям – приедут – расскажу».

Погас компьютер в окончании работы. Муж разметался в жарком летнем сне. Ночь тишиною плотно окружила, как бы от дня закрылась на засов.

- Так как Васильев достигает результаты, что люди, вроде, здоровые в уме, ему себя на блюде преподносят? - Арсений уже много что узнал, его вопросы правильными были. Наина тоже не порола ерунду, умела выделить, что, несомненно, важно.

Они в то утро разместились на веранде. Крутое солнце предвещало жаркий день.

- Как говорила моя мудрая прабабка, - Наина чуть прищурила глаза, - важнейшее в делах у афериста (без этого недостижим успех) – иметь портфолио высокой репутации. А наш психолог этого достиг. Он как оракул для доверчивых людей, готовых слушаться и делать, как он скажет.

- Но вы же как-то через это пробрались? Особое чутье? Счастливый случай?

- Я думаю - счастливое чутье. С каких-то пор моё доверчивое сердце вдруг стало чётким индикатором сомнений. Что всё порой не так, как нам рисуют. Артем Семенович меня хотел лепить из преданных подручных – порошков и, моделировать сознание таблеткой. Но я не находилась «под рукой», а приходила, так сказать, амбулаторно, – теперь, когда настало время действий, Наине сделалось не больно вспоминать. - Решила, что я лучший врач себе. Мне слепо следовать каким-то назначеньям? Наелась я таблеток-порошков. Прочувствовала (как вам объяснить?), что с психикой моею вытворяют. Ну и конечно перестала принимать. Но это всё уже потом пришло. Когда я отдала ему бриллианты.

Арсений, исподлобья, наблюдал. Набычился, как будто знак вопроса.

- Я отдала ему бриллиантовые серьги, два замечательных бриллиантовых кольца с камнями – к двадцати каратам каждый. После прекрасного снотворного напитка. Когда вокруг меня весь мир расцвел, - Наина в обличительном рассказе как будто стала наказанье призывать. – Артём сказал, что расплатился с Мартой и денег дал, чтоб все заткнули рты. А кто? Зачем – закрыли рты, и почему? Да мне ли было интересоваться? «Волшебный, дорогой Артем Семёныч!» - так сердце повторяло без конца. Ещё он мне сказал, что всё вернет, как только виллу новую достроит – тогда все деньги к нам и потекут.

- И ты какую-то бумагу написала? – спросил Арсений, хоть и знал ответ.

- Я написала – драгоценности дарю, как благодарность за бесценные услуги, и на развитие гостиницы в горах, что так необходима многим людям.

Арсений чуть заметно усмехнулся.

- Ну, а когда от зелья отошла?

Наина глянула, как будто бы с сомнением – он, что же, издевается над ней? Но он, похоже, было, и не думал. Так просто, механически спросил.

- А про бесплодие? – он только заикнулся. Наина не дала договорить.

- Его лечение и отвратно и смешно. Дает девице психостимулятор и возбудитель эрогенных зон. Четыре штатных жеребца живут в отеле. Красавцы обликом, насильники быки. Так столько дамочек туда лечиться ездят! Отсюда и вопрос – причем тут я?

Пришелец прислонился к балюстраде, где эбонитовые обереги – в строй – ему на солнце доступ преграждали.

Под солнцем выгорал участок Балков, отсутствием гостей томился дом.

Арсений не давал смолкать Наине.

- А как же Ухов твой на удочку попался? Он, что же, ему бизнес отписал?

-Увы, Арсений, тут история сложнее. В один приезд я ездила в Лозанну, а Глеб решил остаться отдохнуть. Васильев ему отдых предоставил, а с ним и разжижение мозгов. Короче: дорогой Артём Семёныч открыл таблеткой Ухову глаза, что личный капитал держать в России одно и то же, что и вовсе не иметь. Да и ещё - на собственных счетах. Всё унесёт любой дефолт и кризис. И предложил свой счёт в оффшоре, как гарант: « Вот номер счета. Банк – в оффшорной зоне. Вы переводите туда все ваши средства, помимо тех, что пущены в процесс. Да их и так немало в обороте. А в банке будут на моем счету. Конечно же оформлены особо. И вам в России не выплачивать налог. Да и когда вам надо – деньги целы. Хотите, вам расписку напишу?». И Глеба обуяла благодарность, расписки никакой не захотел. Но «благодетель» настоял, чтоб дать бумагу.

- Как он умеет мастерски лечить! Как муж ваш всё теперь воспринимает?

- Артём Семёнович Васильев – личный врач. Он под контролем держит пациента. Я как-то раз лекарства убрала, что Глебу наперед Васильев выдал. Так он меня чуть не убил, чтобы вернула: «Ты смерти моей, видно, так и ждешь». Доход от оборота всё же есть. Как видите – пока не голодаем. Но кто же знает, что нас завтра ждет? А деньги у Васильева хранятся и доступ к ним, ну если и возможен, так только с разрешения его.

Хозяйка ощутила вдруг неловкость. Какой-то неизвестный Петухов, два дня назад – и вовсе неизвестный, теперь хранитель всех семейных тайн. А, что хранитель, как это проверить? И что её как будто понесло? Анжела всех подробностей не знает. А уж она – подруга на века!

« Как знать – он всех выводит на доверье? А может дура только я одна?» - так продолжала мучиться Наина. И вдруг, как наваждение, опять - «Она задумалась, и долу поникла гордой головой» - пришло на ум.

«Как ты меня замучил, бедный Пушкин!», - уже в сердцах подумала она.

И сразу поняла, что не случайно она писала для коллектора «Роман». Что «дурочку» играть перед собой давным-давно у ней вошло в привычку. Она прекрасно ощутила, как свой взгляд на видимые прелести её он положил уже тогда, у барной стойки.

Совсем не нужно, чтобы КТО-ТО помогал. А чтоб явился с помощью Арсений. Не очень рослый, складный, худощавый. Не очень видный, но безумно интересный. Ещё недавно - посторонний человек.

- Давайте выстроим цепочку из событий, - Арсений сел и вынул карандаш. Наина подала листок бумаги. – Итак, как говорят, начнем, пожалуй. У вас проблема и вы едете к врачу. Так и запишем: К.М.Н. Щеглова. Она выводит на специалиста, а он вас приглашает в «Институт», где у него есть кабинет для консультаций. Ведь вы, наверно, можете узнать, когда Васильев собирается в столицу?

- Он будет через три-четыре дня.

- И сколько у него с собой охраны?

Вопрос был совершенно не к Наине. Она не думала об этом никогда. Васильев на приёме в кабинете, тут нет сомнений, выступал всегда один. А были ли задействованы лица, чтоб постоянно охранять его покой? И, что важнее – безопасность жизни? Конечно! Она думала, что – да. Но требовалась правда:

- Я не знаю.

Арсений не смотрел, а крепко думал, что отражалось у него в глазах. «Как будто бы украденных с иконы. И абсолютно серые зрачки».

- Ты можешь позвонить, когда приедет? И в первый день просить тебя принять?

Наина позвонила «о таблетках. И Глеб хотел заехать на прием».

- А можно мне к вам сразу послезавтра? Тогда – отлично. Непременно. Хорошо.

- Он послезавтра, как ты слышал, приезжает. И целую неделю проживет.

- И вы условились, что ты к нему подъедешь?

- Он даст мне знать, как только прилетит.

Она чертила план берлоги эскулапа, чтобы коллекторы наведались туда, и все, что было нужно, рассказала. Не поднимая на коллектора глаза. Не думая о том, как обуздать такую мощь горячих нежных рук.

- А как же вы спасаетесь от зноя, когда на улице безумствует жара? - Арсений снова был у оберегов. Наина молвила, не глядя на него:

- Обычно мы купаемся в бассейне.

Веранду охватила тишина. И лишь минуту, ну не больше напрягала.

- Так, я не слышал, а когда приедет муж?

- Роман Аркадьевич, - был слышен стон Наины.

- Наина, о, Наина, боже мой.

Они барахтались в бассейне, у бассейна, потом он её в спальню перенес. И жилистое тело упивалось античным совершенством красоты.

Арсений был рожден дарить блаженство, а более достойного объекта, чем столь желанная красавица Наина, ему не довелось ещё встречать.

- Скажи мне, отчего не закричала – спросил Арсений в краткий миг отдохновения, - я ощущал, как голос рвался из груди.

- Чтоб в крик не улетело наслажденье, что полностью хочу вернуть тебе.

- Наина, - о, Арсений, - о, Наина.....

И больше слов не слышно никаких.

- _____

У кабинета К.М.Н. Щегловой две пациентки оставались ждать приема – замотанная дама средних лет и девушка – похоже, лет семнадцать. И если дама вся была настороже, себя подстегивала, и держала спину, то девушку сидела, будто зябла, от длинной шеи с подбородком у груди, покатых плеч, сутулых, как в ознобе. Притом, что было лето на дворе, и все расхваливали теплую погоду.

- А вы к врачу этой в первый раз? – пыталась женщина у девушки дознаться.- Должна – хорошая, ведь кандидат наук.

И посмотрела на девицу долгим взором. Но та ей возвратила ноль вниманья, и только ногу задрала как балерина, чтоб накрест на другую положить. Каблук торчал на четверть коридора, но в это время мало кто ходил.

Из кабинета появилась медсестра, чтобы забрать у ожидающих талоны. И дамочку с собою пригласила, девица оставалась ждать одна. Пришлось достать из сумки телефон - настойчиво, занудливо звонил.

- Да. Я успела. Дополнительный талон, - всё прозвучало обострённо, как стаккато. - Ну, хорошо Арсений, поняла. Да, что же это? Что я - идиотка? Ну, я же обещала - позвоню.

Та женщина уже прошла врача. Девице рассказала, как подруге.

- Хорошая. Велела приходить.

Из кабинета кто-то крикнул: «Проходите». Девица не прошла, а проплыла.

- Я записалась и пришла к вам на приём, поскольку вы совсем нейтральный доктор. Ну, в смысле, человек со стороны. - Щеглова удивленно посмотрела. - Я наблюдалась в медицинском центре, где все врачи - знакомые отца. А мне не нужно, чтоб родители всё знали.

- У нас обследование, да и всё лечение, если, конечно, не какой-то криминал, проводят абсолютно анонимно.

- Как раз что надо, - успокоилась девица. Но врач устала разговаривать с людьми - последний пациент, конец работы.

- Давайте, я сейчас вас осмотрю, - и распечатала стерильные перчатки.

- Нет, вы послушайте, зачем я к вам пришла. Меня недавно гинеколог осмотрел, и все анализы.... Сказал, что всё в порядке. А я имею специфический вопрос. И я не знаю, ваш ли это профиль?

Щеглова снова села в кресло: «Расскажите».

А суть проблемы обратившейся девицы, с её рассказа, заключалась в том, что всё-то она в жизни испытала.... И до того, видать, переборщила, что всю коробит при одном лишь слове «секс». И вот теперь - ей замуж выходить, а у неё при мысли спать с супругом, буквально начинается столбняк

- И я как будто вся деревенею. Мне предки подыскали жениха. Уже пытается чего-то помогать. А он богатый, и родители хотят. Как объяснить, что это невозможно? Или возможно меня как-то подлечить?

Для исключения причинных аномалий Ольга Петровна сделала осмотр.

- Единственно, что я могу сказать, похоже, это действует гипофиз. Был вероятно и фатальный эпизод в метаморфозах вашего сознания. А визуально – нет гиперемии, и патологии какой-либо там нет. Вам, дорогая, нужен психотерапевт. Наверно – «фобия», а это значит нервы.

- Куда вы посоветуете мне? – вопрос звучал измученно и грустно.

- И в нашей клинике такие есть врачи. Но я сейчас попробую связаться. Я бы сказала, что великий психиатр. Но там платить совсем другие деньги.

- Его Артем Семенович зовут, - Арсений слушал обстоятельный доклад всё разузнавшей засланной Натальи, - она всё рассказала про меня, и телефон дала, чтоб я звонила. Он, говорит, готов меня принять.

- Ну, молодец. Да, кто бы сомневался. Садись в такси и на Кутузовский проспект. У Триумфальной Леонид тебя подхватит.

А в «Институт» на улице Гастелло Арсений и коллега Леонид смогли добраться к середине дня, чтобы наметить планы дислокаций. Там было всё весьма обыкновенно. Только Васильев себе выделил отсек и обособил белоснежными дверями, почти воротами из толстого металла – больной доверит тайну эскулапу и должен видеть, как её хранят.

Разведка оказалась не напрасной. За простотой решения фасада внутри скрывалось столько переходов, что только Леонид, как следопыт, учуял продолжение этажа ещё и за приемной психиатра. С торца у здания был захиревший сквер, через него шла узкая дорожка, и выводила к неказистому крыльцу – так подозрительно смотрелся чёрный ход. Здесь тоже кто-то офисы снимал, на этаже Васильева, конкретно. А он тут сделал выход из приемной, по коридору, и на волю через сквер. Чтоб не все время через двери «Института».

На главном входе вроде сделали охрану, но человек торчал там для проформы, не вел учёт и не расспрашивал к кому. А остальные, кто работал в «Институте» – врачи и медицинский персонал. Коллектор Леонид спросил «сестричку» про обособленный Васильевский отсек: «А, что за этой дверью, может – морг?». И вызвал хохот: «Тоже скажите, вообще. Тут иногда профессор принимает».

И было ясно, что расспросы ни к чему. Кого тут отыскать, кто что-то знает?

Наина утром выезжала в турагентство, но к трем часам закончила дела.

- Давай, Арсений, в ресторане перекусим, а после куда хочешь - отвезу.

Куда пойти им было всё равно – не романтический же вечер, в самом деле? Просторный зал, отсутствие людей – в Москве не все обедают в фаст-фуде. Они устроились в таком приличном месте, где что-то съесть не показалось страшным, и полная возможность говорить.

Коллектор ждал распоряжений от клиентки.

- Скажи мне, как ты хочешь разобраться? Чтобы Васильев драгоценности вернул?

- Мне все равно, пусть камни..., или деньги. Цена им, где-то, миллиона два. Пускай он доллары на счёт переведет, а в бриллиантах этих сам гуляет.

- А твой отремонтированный Глеб?

- Я за других проблемы не решаю, тем более никто и не просил. Но он ещё не знает про меня...

- Про нас с тобой или чего другого?

- А кто что может знать про нас с тобой? Конечно, если ты с друзьями обсуждаешь.... Да ладно, успокойся, я – шучу. Про Ухова, я всё давно решила – я не хочу быть мужниной женой, а я желаю быть свободною девицей. Пускай Васильев только деньги мне отдаст.

Пришлось отвлечься - подошел официант. Наина молча ожидала, чтоб продолжить.

- Когда узнала, что кумир моей мечты работает в коллекторском бюро, к нему и кинулась с моей огромной просьбой. А всех заказов ваших я не знаю. Мне важно, чтобы выполнили мой.

- А что мы, развлекались на Гастелло? Заказ получен и работа началась. Давай поговорим о гонораре – ты представляешь, сколько мы берем? И у тебя совсем не легкий случай.

- Не больше денег.... Уж никак не больше денег, что этот терапевт с меня содрал. С него вы сколько надо вам спросите – Артём Семенович купается в деньгах. А мне, хотя бы, миллиона полтора. Пятьсот тыщ долларов достаточно в оплату?

- Нормально. Но пока аванс рублями. Ну, миллион, чтобы расходы оплатить. И три билета до Парижа и обратно.

- А ты меня, смотрю, не посвящаешь?

- Да как же я могу не посвятить? В рабочем плане «дела терапевта» тебе отведена большая роль. Твоя задача отыграть пролог. Любезно встретиться, с улыбкою зайти.... Ну, а потом – поставить ультиматум.

Наина с ходу сделала улыбку. И моментально убрала с лица. Ударом кулака пробила воздух. Потом спросила, как актриса режиссера:

- Как ультиматум должен прозвучать?
- Ты хочешь драгоценности обратно, или на счёт - эквивалент в валюте.
- Он скажет – я сама всё отдала, без всякого воздействия таблеток.
- Но главное, чтобы твои слова его в какой-то мере напугали.

Арсений говорил вполне обычно, но под конец зловеще зашептал. До этого смотрел по сторонам, и вдруг с Наиной встретился глазами. И не давал ей оторваться от себя, как примагнитил взглядом василиска. И еле слышно произнес слова:

- Вы с Николаем гимн любви пропели, ты «hymen» Томми Гану отдала.... И были вы тогда единым целым.... Но у тебя осталась бесконечность. В ней не найдется места для меня?

Наина одолела василиска безумным блеском неподвижных глаз.

- А я боялась ты уже не спросишь. И для чего тогда мне надо жить?

Они молчали и смотрели друг на друга, нерасторжимые заложники любви. Вопрос о «деле» не сошел с повестки дня. Напротив – было важно разобраться.

Арсений рассказал из обстоятельств:

- Я всё, что было нужно разузнал. И так – Артём Семёнович Васильев. Живет в Швейцарии, в России – частый гость. По паспорту он гражданин Литвы. И от жены, с которой он в разводе, есть дочь, ей восемнадцать лет. И в девочке Артём души не чаёт. Наверно – здесь удобней зацепить.

- Тебе виднее. Но никто не пострадает?

- Ну, только сам Васильев, если вдруг. И то – психологическая травма. Но ты серьёзно рассудила сделать шаг?

- Я не хочу, чтоб кто-нибудь считал, что мной он хоть бы в чём-то управляет. А Глеб? Я побывала знатной дамой. И рисковала бы от скуки умереть, когда бы ни Анжела, с турагентством.

Наина вроде бы серьёзно говорила. Но походило на плохой театр, и не звучало откровенным разговором. Скорей – привычкою смеяться над собой.

- А дочь Васильева во Франции живет, - продолжил растолковывать коллектор. – Одной писательницы, мне знакомой, тёзка – её папаша Катериною назвал.

И в этот миг не мог не улыбнуться. Ведь автор всех романов Ка. Рупской, (собрание сочинений в пять томов), смотрела на него почти с любовью. Арсений досказал намного тише.

- В Париже получается - Катрин, чтобы не мучить всех произношением. Студентка, обучается в Сорбонне. Сейчас как раз везде конец каникул, уже наверное приехала домой.

- Так на кого заказывать билеты? Хотя бы нужен ксерокс с паспортов.

- Тебе отдать, или кому в агентстве?

- Кто с документами приедет, Леонид? Пускай в агентство, я предупрежу.

За разговором они всё-таки поели – всё было вкусно, и не важно что. И принесли уже мороженое, кофе.

- А ты ведь можешь по-испански говорить? - Арсений вдруг перескочил внезапно. Но мысль, хоть и казалось отвлеченной, несла в себе значение и смысл. – В Сан-Паулу (ты думаешь, что шутка?) и вправду есть Натальина родня.

- Сан-Паулу.... Копакабана в Рио.... Там португальский основной язык. А что, хотите к родственникам съездить? Да и меня как переводчицу нанять? Я не гожусь - не знаю португальский.

- Какая разница – испанский, португальский. Но ты в Бразилии сумеешь говорить?

- Я и в Китае ни за что не потеряюсь. Так и причем Натальина родня?

Арсений неожиданно брезгливо взглянул на ожидающий десерт.

- Смотри, как разукрасили креманку. Я бы не ел такую красоту, но растечется всё в абстрактном безобразии, - Наина холодно смотрела на десерт, ей сладости не радовали душу. Она и в кофе сахар не клала. И что мороженое тает – не страдала.

- Ну, я готова. Что ты там припас? - она давно уже отвыкла удивляться, но в то же время четко понимала – сейчас не время рассуждать про ерунду.

Арсений почесал свою небритость, задумчиво на спутницу взглянул. Уже потом решился на рассказ.

- Ты если помнишь, то Наталья говорила, что дед её в Сан-Пауло живет. Ну, не живет, так жил, и это правда. А приблизительно сто лет тому назад он был градоначальник в Петербурге. Когда наворотили жутких дел и белые отстреливали красных. Но я в истории не очень-то силен. И Александр Балк в те годы смутных лет был в должности и при деньгах немалых. Но..., все засуетились убегать. Вот так и он – пошлялся по Европам, и в Рио-де-Жанейро прикатил. В Сан-Пауло, если на самом деле. Наталья всех подробностей не знает,

а я тем более, с её туманных слов. Но её предки письма получали. Те, что в России оставались жить.

- Так этот дед, небось, давненько умер?

- Конечно. Но как стал он умирать, то вспомнил наши русские березки, и как мальчонкой с гувернером он гулял. Тогда в России и нашел своих потомков. Конечно, он не дед, а деда дед. Если считать по отношению к Наталье. Так этот вот бразильский Александр прислал письмо Натальиному деду. Что завещает русской ветви рода Балков он половину, что тогда с собой забрал. А это может бешеные деньги, да и считай - такая старина.

Наина сразу же решила успокоить.

- А там живут сплошные идиоты и только ждут, когда приедешь ты, чтоб старину забрать и прикарманить. И что ты думаешь своею головой?

Но раз Арсений был настроен, то:

- Послушай. В окрестностях Сан-Паулу есть дом – Наталья в письмах фотографию нашла. Старинный, каменный, прилично сохранился. И Александр этот исхитрился с оказией доверенных людей (ведь, как-никак, был белым генералом), прислать письмо, и с ним конкретный план, где драгоценности спрячет в этом доме. И у Наталии три месяца назад в Бразилию по деловым вопросам летал один знакомый человек. Когда узнала, что в Сан-Паулу поедет, она дала координаты, чтоб взглянул, стоит ли этот дом и если да, то кто там в наше время обитает.

Дом сохранился, а живут два старика. Верней, старик с старухой, из русских. И видимо какие средства есть – прислугу держат, негры для охраны. Наталья написала им письмо. Они откликнулись, что знают, что в России определенно есть далёкая родня.

Мы с ней в то время были незнакомы. Она к родителям, чтобы купили тур. Да разве мать её в чем-нибудь откажет? Она-то думала Наталья просто так, по свету захотела покататься. Родня эта по линии отца, а он себе создал успешный бизнес – завод по производству соков-вод. И до того вцепился в это дело, что день и ночи пропадает там, чтоб не нарушилось преуспеваье. Он в документах старых не копался, о деде-прадеде и слыхом не слыхал.

Наталия поехала одна, и по-английски только «yes» и «no», что говорить о прочих языках. Решительности ей не занимать, сейчас везде немало всяких русских. Но Балк ведь с группой, и у них есть переводчик. Так в Рио им нашли переводить довольно перерзлую красотку и речь, словно в Одессе где привоз. Ведь переводчики, как правило, из местных. За тридевять земель кто повезет. А эти рады за копейку расшибиться.

В Сан-Паулу к ним прикрепили Мишу, вполне интеллигентного студента. Потомка тех, кто с первой волной. Наталья, она очень ведь простая, с ним быстренько наладила контакт. И в первый вечер – время нечего терять, с Михасем этим в дом ко старцам потащились. Их известили, чтобы не было сюрпризом, что внучка к ним приедет из Москвы. Ещё когда оплачивали тур, тогда же и послали телеграмму. Ну, ты же знаешь, что в агентстве могут всё.

Дом был на месте и квартал вполне приличный. «Да что же ты мне сразу не сказала, что старым Балкам дальняя родня? – обрадовался Миша, как узнал. - В русской колонии их очень уважают. Ваш предок был известный человек». Но про теперешних сказал, что «доживают. Есть дети, но уехали в Нью-Йорк. А старики, почти что, не выходят».

Негр подозрительно рассматривал сквозь дверь, стеклянную, с железной решёткой. Домище оказался – будь здоров, или Наталье это показалось? Пустить - пустили, но едва ли были рады.

Им, впрочем, так немного в этом мире уже осталось, что ещё не всё равно. И фотографии России современной – какая разница, когда уходит жизнь? Своя. А до чужой давно нет дела.

И дом, хотя ещё не «доживал», но видно было что немало прожил. Но не было налета запустенья, ни тени дряхлости, а только – старина. Портрет градоначальника – дедули, смотрелся очень гордо в кабинете, где тот работал до последних дней. А умер он уже за девяносто.

По дому ей позволили пройти – всё, как-никак, обитель предка. Но письма первым делом посмотрели, что из Сан-Паулу их предок присылал. И убедились, что не аферистка.

Экскурсию провел привратник - негр, вел по маршруту и безмолвствовал – смотрите. И у Натальи было ощущение, что провожает их немало глаз, хотя никто навстречу не попался.

В письме дед написал, что где-то в спальне, в стене он постарался схоронить. Ориентир – лепнина на стене, амур с колчаном и стрела на луке. Так за амуром и находится тайник. «Ведь я, похоже, вскорости умру. А здешним внукам основное всё оставляю. А это – девочке, кровинушке моей, которая на Родине осталась. Пусть вспомнит хоть когда, как я теперь, всё время своих предков вспоминаю. Вот и она – мне дедушка послал....».

Наталия спросила про лепнину, а Михаэль по-португальски разузнал - амур с тетивой никто не трогал. Негр эту спальню тоже показал – как генерал скончался, так закрыли. «Ты знаешь – говорила мне Наталья, - мы уходили, и амур мне подмигнул». И переводчик уловил движение: «Смотрите, как обрадовался вам».

Прошлись по дому, и Наталья распрощалась – никто ей ничего не предлагал.

- Вы нам оставьте номер телефона. Избави бог, что будем звонить.... – старушка даже вроде усмехнулась. – Мы для детей, а вдруг в России будут. Пускай они тогда вам позвонят.

Так вот зачем спросил я про испанский».

Арсений кончил и салфеткой промокнул уставшие от долгой речи губы.

- Ну, что же.... Я Арсений поняла, - Наина как бы вдруг засобиралась. - Сегодня не могу, а завтра еду. И не беда, что нужен португальский, ведь старики по-русски говорят. Дай запишу – окрестности, потомки. Колчан со стрелами и молчаливый негр....

- Какая ты весёлая порой, когда не о твоих делах.... Молчу, - и вновь заговорил уже серьезно. – Ты завтра, - и чуть сам не улыбнулся, - ты едешь.... Приезжаешь на Гастелло. К Васильеву проходишь в кабинет. И будь совсем не очень аккуратной, дверь за собой когда войдешь не закрывай. Посмотрим, кто обязанность имеет подобные ошибки исправлять. Там будет Леонид, и я конечно. Но кто бы и куда там не ходил, ты – вся в себе, и никого не замечаешь. Артёму – мы решили, что сказать. Но только без угроз, а ультиматум. Ты номер счета приготовила назвать?

- Конечно же. И счет – в Швейцарском банке.

- И срок ему назначь в четыре дня. А если вдруг он станет возникать, закончить можешь всё на громкой ноте. И повторить на выходе, в дверях. И чтобы все кто в коридоре услышали.

- Да, командир, я в общем поняла. И завтра я домой поеду сразу. Ну, а сейчас скажи – я отвезу.

- Я бы хотел, чтоб нам всё время по пути. Но у тебя наверное есть планы?

- Я Глебу обещала дома быть. Моё решение о нём необратимо. Но я ещё должна ему сказать.

- Заеду я тогда к Наталье Балк. По крайней мере – в том же направлении. Узнаю, как с Щегловой всё прошло. И расскажу, что надо делать дальше.

- Останешься в посёлке ночевать?

- Уеду. У меня же там машина.

- _____

Почти что сразу, как запарковалась, Наина нехотя достала телефон, который не хотел умолкнуть в сумке. Но это был желательный звонок – соскучилась прекрасная креолка.

- Ты как сейчас, не очень занята? - Анжела источала деликатность. – Я не скажу, что буду ехать мимо, но с удовольствием заехала б к тебе.

- Ну, раз я дома, то какие тут вопросы, - Анжела не мешала никогда. – Я расскажу, и ты мне всё расскажешь.

« Как она здорово нести себя умеет, - Наина наблюдала из окна проход кубинки от машины к двери дома. – В походке даже очень преуспела - ведь чудо, как всё ловит на лету». Взглянула в зеркало пытливо на себя: «ей повезло – такой пример перед глазами».

- Послушай, Анжи, этот Абрамович сегодня много мне чего наговорил, - они уже сидели на веранде, расслабились и смаковали чай. – Я напишу теперь «Рассказ для Петухова». Как думали простушку отыскать. Чтобы она им голыми руками из огнедышащей Бразильской кутерьмы вытаскивала золото и камни, которые белогвардейский дед сто лет назад из Петербурга вывез.

И всю историю Анжеле рассказала. С подробностями – негр недружелюбный, полуживые бабушка и дед. И как амур со стенки улыбался.

- А что Наина, что нам не слетать? И заодно уж в Рио-де-Жанейро. И непременно заскочить на Кубу, где я в Гаване девочкой росла, - Анжеле искренне понравилась идея, и было видно – постарается развить.

- Ну, может быть и съездим, только позже, - Наине думать не хотелось о «потом», когда сейчас такое дело завертелось. – Я разужнаю, где в Сан-Паулу тот дом. Ты говорила – братья приезжают?

- На той неделе. Только лишь Луис. Пускай посмотрит и расскажет остальным, как их сестра-москвичка поживает. Ты приходи, когда он будет здесь – хочу похвастаться, кто у меня в подругах.

На улице звучали голоса, их перекрыл внезапный рев мотора - Арсений собирался уезжать. Анжелу подтолкнуло любопытство взглянуть, кто нарушает тишину. Она вздохнула:

- Странная девица! На парня смотрит как на господина, а он уже намылился удрать. Она и есть – наследница сокровищ? А парень – Абрамович? Не похож.

- А на кого похож? На Петухова?

- Ты что Наина, сразу обижаться. Не знаю, на кого он там похож. Но про Бразилию пускай нам всё расскажет.

Приезд Васильева дал старт началу действий. Наина выехала следом за звонком и информацией, что правильный Артём, как и планировал, приедет прямо в офис. А ей в Сокольники не очень близкий путь. Могли приехать, где-то так, одновременно.

Она не делала стремительных рывков, чтобы, не ровен час, приехать первой. И поступила верно – «Мазда б», лошадка из Васильевских конюшен, стояла на парковочном причале. И господина, было ясно, привезли.

Наина - не сказать, чтоб волновалась. Был (как назвать?) скорей мандражный вздрог. И нетерпение - скорей всё завершить.

Васильев показался ей нервным, или взволнованным, что уж наверняка. Он сам навстречу двинулся к дверям. Наина максимум любезности в улыбке без напряжения сумела заложить. Он даже подхватил её под локоть, чтоб проводить до кресла у стола. Она не видела, как молодой верзила, чьи мышцы выступали сквозь халат (наглаженный, крахмальный, медицинский), бесшумно притворил за ними дверь.

- Наина Львовна, до чего я рад вас видеть, - Артём Семёнович так искренне сказал. – Похоже – в медицине новый шаг. И вы виною важного открытия.

Наина думала: «не думать ни о чём, и ни на что не надо отвлекаться. Сказать ему быстрее, и уйти». Васильев же пытался рассказать:

- ... пришли к невероятному эффекту. Мы сможем консервировать людей в особом состоянии эмоций. А если пациент не хочет жить, то мы даем повышенную дозу. И жизнь его стремительно течет, вмещая все возможные желанья. И он почувствует, что наступил предел.... И успокоится на апогее счастья!

Прошло мимо ушей его вступленье, ведь «терапевт» всегда хоть что-то плёл. Но кое-что конечно уловила: «Вы что, об эвтаназии сейчас?». Вернулась к заготовленным словам.

- Я бы хотела, дорогой Артём Семёныч, чтоб вы вернули мне мои бриллианты. Вы помните, я их тогда, на время? Когда вы там достраивали корпус? Для санатория..., и не хватало денег. Я вам давала, чтобы заложить.

- Помилуйте, Наина, бриллианты? Я, правда, сохраняю документ, где вы своей рукою написали, что это взнос ваш в благородные дела.

- Я отдавала на анализ порошки, которыми меня вы накормили. Там тизерцин, аминазин, и, вообще.... Чтобы не то, что обезволить пациента, а чтоб из льва создать персидского кота, и уложить беднягу на подушке. Мне сделал экспертизу лаборант, а после я пошла к криминалистам. У них возник особый интерес, но я пока не раскрывала карты, кто составляет замечательную смесь.

- А я-то про Скловскую-Кюри..., вам начал рассыпаться об открытии, к которому пришел посредством вас.... Нет, вместе с вами.... Слово в медицине....

- Мои бриллианты. Или деньги. За два дня.

- Наина Львовна, вы и Глеб Михалыч....

- Который совершенно ни при чём.

Васильев был немало ошарашен.

- Я говорю, – продолжила «царица», - что Глеб Михалыч абсолютно ни при чём. Своих намерений я с ним не обсуждала, и даже, что сегодня к вам иду. Верните бриллианты или деньги. А не по-доброму – я заявляю в суд.

И всё же он надежды не терял, или действительно его держало что-то.

- Пусть – воля случая, но случай – через вас. И я уже название придумал. Послушайте, звучит как – АРТНАИН. Два имени, Артема и Наины.

- Да называйте, что угодно как хотите. Хоть от фамилии своей, да и моей. Я – Ухова, а вы у нас – Васильев. Вот, на «васьуху» и получите патент.

Артём Семёнович утратил всякий пыл. И моментально проявился в нём хозяин – приемной, пациентов, многих лиц. И главное – их очень жалких жизней, как мысленно он сам всегда считал.

- И это ваше личное желанье? - тон у вопроса был официален, а голос стужей Арктики подул. – Ваш муж вам ничего не поручил?

- Не хочется твердить одно и то же. Я говорю лишь от себя и про своё. И ничего чужого мне не надо.

- Счёт в банке?

Она молча протянула. И для конкретности добавила слова.

- Оценщики рассматривали фото. Два миллиона двести пятьдесят – вот это предварительная цифра. Но если только вместе продавать. Когда ж – аукцион, и все отдельно – три миллиона просто получить.

- Вы говорите - так необходимо?

- Да если б и не надо, то пришла.

Васильев несколько мгновений просидел, верней продумал, утопившись в кресле.

- Что Глеб Михайлович намерен предпринять?

- А что он может предпринять в моих делах? Насчёт его дел – извините, я не знаю.

- И что у нас, в конце концов, выходит?

- Я с Уховым, выходит, развожусь.

Теперь Васильев всё же разобрался.

- Я постараюсь, всё, что я смогу. Такие деньги за такие сроки?

- Бриллианты. Деньги – так, на крайний случай.

И стала слушать, как он будет врать.

- Я драгоценностей уже и не припомню. Бриллианты проданы, а деньги разошлись. Но уж для вас придумаю, конечно. Хотя и сумма непомерно велика.

Наина поднялась, пошла на выход. В нем, все-таки, проснулся кавалер. Он подошел и отворил её двери. В проёме, вдруг, Наина замерла.

- Два миллиона долларов. На счет, что я дала, - весь «Институт» застыл от голоса актрисы, возникшей вдруг на заднике дверей, - Артем Семёнович (сказала уже грозно), я буду ждать к исходу четверга.

И долго ещё люди не решались задвигаться, когда она ушла.

В Париж отправились надежные ребята, прошедшие и воду, и огонь. Их не встречали гимны медных труб, а по заслугам может быть и надо.

Андрей заточен был, чтоб делать дело, и всё что надо делал на ура. За ним стояла выучка спецназа, но не показывал, что в чем-то лучше всех. Был силовой опорой тройки, несомненно, не проявлял своих инициатив.

Борис по виду был рубаха-парень, входил в доверие с огромной простотой, и столь успешно вызывал на откровенность, что было много столь разительно отличных по возрасту, по статусу, богатству, по умственному уровню людей, которые в нём друга находили в момент, когда он этого хотел.

Оксана же смотрелась тихой мышкой, когда её случайно, замечали – так неприметно, так беззвучно, бестелесно она проскальзывала сквозь толпу людей, сквозь кучку, мимо пар и одиночек, когда ей надо было по делам. И тихо, без акцента говорила на многих иностранных языках. А главное - та сила убеждения, которая в ней дивно проявлялась, когда достичь чего-то надо словом – ей постоянно доверяли эту роль.

Арсений выправил лицензию на бизнес, чтоб не попасть на скользкую дорожку, где действует открытый криминал. Он узаконил справедливое агентство с набором предлагаемых услуг. Всегда брались за частные долги, взыскать которые бывало очень трудно. Сказал же кто-то, мол «романтика труда», вот ей и были движимы ребята в

коллекторском бюро у Петухова, где, за изъятие долгов у частных лиц, они и сами далеко не бедно жили.

Катрин Васильева училась в Высшей школе «немыслимо» химических наук. Студенты здесь платили за учёбу в отличие, ну, скажем, от Сорбонны. Она, конечно же, копеек не считала, да и отец учел, что после Школы, Катрин сумеет получить диплом, престиж, и даже вес в научном мире. Она не отличалась красотой, но далеко не числилась дурнушкой. Так что в науку привела не безысходность, а увлечённость и пытливый ум – не зря Артём Семёныч так гордился.

Занятия ещё не начались. Катрин недолго задержалась в школе. Все разузнала, а потом зашла в кафе. Присела к столику в густой тени каштана - луч солнца в августе ещё весьма горяч. Ей захотелось то всего - немного кофе, да и, пожалуй – тёплый круассан.

А главное – от месяца в Литве, где отдыхали с матерью у моря, вновь пропитаться воздухом Парижа, чтоб растворился опьяняющий эффект, не отвлекал, а стимулировал в учёбе. Катрин давно нашла приоритет в упорстве и стремленью к дисциплине.

Она заметила, что робкая девица, одетая неброско, но со вкусом, как видно - с артистическим чутьем, уже вошла, но не находит места, в растерянности думает уйти – все столики в кафе позанимали. И всё-таки решилась подойти.

- Не очень против, если я присяду? - Катрин, уже три года жившей здесь, речь девушки поведала о ней, что, без сомнения она – не парижанка. А может быть жила в монастыре – так книжно говорила по-французски.

Катрин конечно предложила той присесть, и моментально что-то обсудили – погоду, многолюдность, их кафе. Девица попросила извинить, что так внезапно к столику приткнулась.

- Мы за сегодня столько исходили, что только бы под душ и отдыхать. Вы не подскажете, где тут отель поближе?

- Да тут отелей, сколько и кафе. В любой зайдете дом – не ошибётесь. А кто вы, и простите, сколько вас?

- Нас двое. Я и мой попутчик. Вы знаете – мы хорошие друзья. Они ведут аккордную работа. Сдают проект и сразу много денег. И он берет меня с собой туда-сюда.

- Меня зовут Катрин. А вы, простите?

- Оксана. Я - славянка, как мой друг.

- Но ваш язык...? Ведь вы не парижанка. Но....

- Я во Франции жила. Два года, когда маленькая, в детстве. А это остается навсегда. Давайте я вас с другом познакомлю.

Борис настолько обаяние излучал, что все, казалось, только что и ждали, к кому рубаха-парень подойдет. Катрин всё стало очень любопытно.

- Так значит вы в Словении живете?

- Да нет, Катрин. Мы оба из Москвы.

- Пускай твой друг за столик к нам идет, - Катрин по-русски говорила, но с акцентом, который подарила ей Литва. - Ведь у меня же папа - россиянин. А я два года не была уже в Москве.

Борис сумел обрадоваться Кате, как будто отыскал свою сестру, с которой в раннем детстве разлучили.

- Вы знаете, и - никакой отель, - Катрин имела время и возможность, а тут ещё и радость в ней нашлась. - У нас с подругой есть апартаменты, Четыре комнаты снимаем на двоих. Общая кухня, ванны - отдельно, в том смысле, что у каждой есть своя... - решила, что неправильно сказала. - У нас в апартаментах ванн - две.

Последние слова сказала гордо, так как по-русски всё сумела объяснить.

- Николь приедет лишь в субботу утром, так что - пьем кофе и отправимся ко мне.

- А я ведь в Лувр намылился сегодня. Оксана, не сегодня, так когда?

- Я обещала, только ноги не идут. Давай хотя бы душ у Кати примем.

Пошли, верней поехали к Катрин. Усталая Оксана упростила, не глядя на прекрасный летний день, доехать на такси, когда узнала, что пешим ходом будет полчаса.

Катрин Васильева нашла себе друзей, они нашли «зацепку для папаши».

Наталье Балк, кто бы подумал, в самом деле, всего-то было восемнадцать лет. Но день рожденья в феврале, так значит - больше. Наина была в общем не права, когда её бессовестной ругала.

Она с любовником решалась на контакт, когда действительно овладевало чувство. И уж тогда - хоть в омут, без оглядки. И можно из неё было лепить, ну - образно сказать, «Лаокоона».... Она одна могла бы воплотить - отца, его детей, двух жутких змеев, что душат в мраморе застывшего жреца и мальчиков - скульптура в Ватикане.

Ей неизбежна была встреча с режиссером, который бы развил её талант. Ну, а пока что, Петухов - на благо дела - Наталью поработать попросил. Отказа не было - она его любила.

- Ну, что тут обговаривать - звони.

Арсений так Наталью зарядил, что это будет плёвая задача.

- Артём Семенович? Мне госпожа Щеглова сказала, что могу вам позвонить. Она вам говорила. Я - Наталья.

- Да-да. Один вопрос - как это срочно?

- Конечно. А иначе бы – зачем?

- Ну, ладно. Подъезжайте. Я приму.

Он посоветовал, как проще добираться. Правда, сказал – буквально вырвал время, не более пятнадцати минут. Чтобы Наталья рассказала всё при встрече, и день назначит, если сможет ей помочь.

Во вторник эта встреча состоялась. А в понедельник, (как зовется – день прилета?), Наина с ультиматумом была.

Васильев был внимателен к Наталье, вопросами её не прерывал.

Проблема, он сказал, не безызвестна. И «адаптировать» невесту к жениху («Зачем вам замуж?») он, пожалуй, что берется. И сумму очень круглую назвал – «Так это - стоит, если вы конечно в силе».

- Что за вопросы, если свадьба на носу? Пожалуйста, скорее начинайте.

Артём Семёныч заглянул в компьютер.

- В четверг вы сможете? К двенадцати часам?

Наталья удивилась – что так поздно? И рассмеялась, как узнала что к чему.

- Да так бы и сказали просто – в полдень. Какое счастье, что недолго ждать.

- Надеюсь, что один сеанс поможет. Я, извините, уезжаю, день расписан. Вы подойдите – секретарь вам всё расскажет. В другие кабинеты - эта дверь.

Секретарем был очень крепкий малый, халат распахивал его могучий торс.

- У нас оплата - здесь, перед сеансом. И, если вам конечно всё равно, то заходите лучше через дворик, и я вас жду здесь без пяти двенадцать. А доктор тоже будет, если что.

Он проводил Наталью чёрным ходом, и объяснял, как этот путь хорош.

Арсений, между тем, все сопоставил.

«Наталья – на четверг. Наина – тоже. Зациклился он что на этом дне?».

А утром вторника, того же значит дня, по Шереметьеву вдоль стоек для прилёта ходила одинокая «Кармен».

Анжела полностью весь день распределила. Луис был должен много посмотреть. Настолько погружённая в себя, Анжела ничего не замечала. Как старый господин почти упал, идя вперед, а взгляд на ней оставив. Как делегация арабов замерла, не в силах

скинуть сети магнетизма. И то, что на неё почти весь зал смотрел, пока по центру гарцевала.

- Рейс девятнадцать тридцать, из Гаваны....

Тут наваждение стремительно исчезло – Анжела поспешила встретить рейс.

Луис на всё смотрел с иронией кубинца: « О, Мата миа», как похоже на Нью-Йорк. Но только нет и там таких красавиц», - и он сестру, шутя поцеловал.

Он не был на неё похож лицом, он не был на неё похож фигурой. Но он был так же гармоничен, как она, забывшая московскую шлифовку. Как будто вытанцовывая самбу, они передвигались меж людьми.

Луис всё время говорил: «Спасибо». Одно лишь слово выучил по-русски. Своим «спасибо» парень выражал весь мир своих прекрасных ощущений.

Луис был рад, что здесь «Hot Doggy» есть, и «Очень хорошо» в язык добавил. Гуляя по Москве, в осенний день, Луис все время напевал: «Нью-Йорк, Нью-Йорк», и братски целовал Анжелу в щечку.

Дениса он приветствовал: «Спасибо», и дальше спел опять: «Нью-Йорк, Нью-Йорк».

С Наиной повстречались в ресторане, и ей «Спасибо» он не говорил. Она умела разговаривать с людьми, с Луисом бойко говорила по-испански. И время моментально пронеслось, когда у молодости было настроенье.

Наина всё ж напомнила Анжеле: «А ты все говоришь – американо!»

Вот тут Луис и спел «Нью-Йорк, Нью-Йорк», уж больно по душе пришлась Наина.

- Adios, amigo. Встретимся в Гаване.

Луис чуть хмыкнул и сказал - «Adios».

- _____

С момента встречи и последующие дни Катрин Васильева всё с русскими крутилась. Они намеревались уезжать, и на неё уже учеба наступала. Но видимо вот так приходит дружба и селится в открытые сердца. Было легко и не хотелось разлучаться.

- Оксана, расскажи мне, что такое - загадочная русская душа?

- Вот ты Катрин, о чём теперь мечтаешь?

- Ну, как бы это? В общем – ни о чём. Ведь я нашла себе задачу в жизни и, говорила вам - я к ней стремлюсь.

- А я задачи в жизни все отбросил, - так безмятежно рассказал Борис, устроившийся в кресле, у балкона. – Я, может, одиночества хочу. Срублю бабла, и на Тибет уеду. И как ты это Катя понимаешь?

- Я не могу понять – срублю бабла? И что ты будешь делать на Тибете?

- Он будет слушать, я - переводить, что говорят тибетские монахи, - Оксанин голос нес глухую грусть. – Но я туда не скоро соберусь. Я буду Европейскою душою.

С утра был дождь, и воздух задышал, окутал свежестью над городом пространство. Париж знавал немало русских душ, но как никто другой хранил секреты.

И, если есть загадка у души, то значит и душа есть в человеке.

И коли разные уже пошли вопросы, Оксана Катю вдруг спросила про семью.

- У папы с мамой нету отношений. Отец – ученый, одержимый человек. Он день и ночь проводит на работе. А как же все его благодарят! Я год назад приехала в Лозанну. Там дама видела, что я с отцом хожу. И подошла, как только папа вышел. «Ваш папа – необычный человек, - она тогда мне с убежденностью сказала. – Волшебный, дорогой Артём Семёныч». Но я давно во Франции живу. Сначала – с тетей. Были гувернантки. Здесь лучших фармакологов готовят. И я учусь, чтобы работать у отца.

- Как говорят – не сотвори себе кумира.... – как будто бы задумался Борис. – Ты так отца сегодня превозносишь, а если вдруг узнаешь что о нём?

Катя задумалась немного удивлённо. Потом, совсем спокойно, начала:

- Плохого ничего о нем не скажут. А если сплетни – вовсе ерунда.

И сразу мысль свою договорила.

-Напрасно об отце мы говорим. Ведь это мой ориентир по жизни. Он знает, как люблю я, и горжусь. И, я уверена, не совершит такого, что может уронить в моих глазах.

И поднялась, как женщина с плаката, которая бойцов звала на фронт.

-- _____

Катрин взялась готовиться к занятиям, Оксана и Борис пошли пройтись.

- Ты знаешь, жалко бедную девчонку. - Оксана захотела уточнить: - Ну, а когда Андрей к нам подъезжает?

- Ты видишь, что не нужен здесь Андрей. С Катрин у нас проблем и так не будет. Давай я Петухову позвоню. Я что-то не хочу с ней разбираться. Арсению скажу – она не в теме. Не знает, что папаша аферист. И ситуацию не сложно разработать – мы рядом и

откроем ей глаза. И так, и этак – некуда деваться. Надеюсь, до Васильева дойдет, чтобы платить и имя не позорить.

Такая вот «романтика труда».

В Москве Артём Семёнович предпочитал отель. Когда он знал – приехал на неделю, и задержаться не удастся – ждут дела. Гостиница, в которой он селился, была оформлена в решительном «Hi tech», пожалуй, что на грани аскетизма. Васильев приезжал в который раз, и персонал уже давно прошел этап – необходимость познавать его привычки. Он, впрочем, был совсем неприхотлив. Секретарей селили в номер рядом.

Как человек, бесспорно, волевой, он так привык держать себя в руках, и никакие проявления «нервов» на публике никто не наблюдал. Но то, что это стоило усилий, он только лишь один, пожалуй, знал. Он помогал себе, как психиатр, и даже применял аутотренинг. Медикаментов никогда не принимал, а все-таки, для сна – отвары трав.

После Натальи, сразу с улицы Гастелло, Васильев выехал в известный бизнес-центр – переговоры по работе Фонда. По документам всё смотрелось хорошо, но надо, чтоб проекты стали явью. В отель приехал на пороге ночи. «Большой сегодня выдался денек», - подумал он, и замер на подушке.

«Ведь мне же отдавали чек для Фонда. Какой дурак, что не заехал в банк». А чек куда-то явно задевался. Артём и под подушку заглянул.

И тут увидел, что девица за столом сидела сиднем и вдруг стала раздеваться. «И чек уже наверно у неё», он в этом абсолютно был уверен. Она уже и кофточку сняла.... «Да, что вы? Я же вас не вызывал». «Да мы без вызова. Я именно - от Ольги».

Артём вдруг понял, что стоит без брюк. «А в пиджаке, во внутреннем кармане?».

И постарался на девицу посмотреть – и что это, и впрямь, на самом деле. Она, как будто не знакома.... Улыбнулась. «А я – из Томска. Ольгина сестра». Артём хотел позвать секретаря, но на рубашке отвалилась кнопка.

Он захотел кому-то позвонить, и был, как будто, счастлив дозвониться. Вдруг вспомнил, а ведь там Наина Львовна? «Она вас и прислала, может быть? Ведь в Томске у неё какой-то бизнес».

Девица встала и застыла у окна: «Зачем с Аркадием вы Ольгу усыпили? Её вскрывали, а она была жива. Ваш препарат совсем не убивает».

«А как же мыши испытание прошли? И эта раковая девушка в Лозанне? Её бы морфий обезболить не сумел».

Из ниоткуда появилась дочь, и он ей прокричал: «Катрин, родная!».

Сестра спросила: «Что сказал Аркадий?». « Так он и попросил, чтоб были вместе. Чтоб он её сначала проводил. Ну, а потом - «вино», чтоб не страдать.... Да, он расписку написал. Она на чеке.... Оставьте меня с Ольгой Ведуновой», - почти вскричал....

И отворил глаза. Ночник светился дружеским уютом.

- Ну, надо же, какой бредовый сон! – шепнул Артём, и вскорости забылся.

Под утро, когда сон особо крепок, Наина Львовна будто вправду что пришла.

« Мы с вами, Ухова, на вечер назначали», - он ей сказал и ждал, когда уйдёт. «И кто такая Ухова у нас?» - отчётливо Наина рассмеялась. Она все волосы к макушке подняла, и головою гордо покачала. И там где уши просто череп был. «Я, - говорит – Безухова совсем. А вы – тот дуб, с которым князь Болконский....».

Артём проснулся и сощурился к часам. Хоть было рано, он решил встать – не ровен час, ещё приснится что-то. «Наине, все-таки, переведу на счёт. Она ещё в подругах пригодится».

Как врач, себе назначил терапию – одна таблетка тазепама перед сном.

Луис весьма понравился Наине. Когда Анжела предложила проводить, не согласиться было неудобно.

Анжела брату сделала подарок – любой маршрут для возвращения домой, и остановки в городах, где пожелает – пускай любимый брат посмотрит мир. Он захотел лететь через Нью-Йорк, потом заехать в Рио-де-Жанейро. На путешествие была всего неделя – в Гаване, говорил, горят дела.

- А ты в Нью-Йорке хочешь дольше оставаться?

- В Нью-Йорке мне, пожалуй, хватит дня. Уж лучше я по Рио поболтаюсь.

И вылет был в четверг в семнадцать тридцать. Пришлось, как ни хотелось, а пришлось звонить Васильеву о переносе встречи.

- Артём Семёнович, и как наши успехи? – «вот наглая – наверное, подумал, и дня спокойно не дает пожить». Но эскулап был удивительно приветлив.

- Ведь мы же, вроде бы, условились на завтра?

- Я вечером, возможно, не смогу.

- Что за беда! Ведь не лечебные проблемы. Тогда, быть может, в середине дня?

Наине стало как-то неудобно – она в себе агрессию несёт, ну а Васильев, как ягнёнок на закланье. Но тут же, словно молнией мелькнуло: «Вот, тоже агнец! Как таблетками кормить...».

Условились с двенадцати до часа.

Наина позвонила Петухову. Известие он встретил без восторга.

- Когда мы вместе делаем дела, и ты вдруг время корректируешь, как хочешь – такие действия караются рублем. На вечер уже собрана бригада, по плану действий всем раздали роли. Теперь придется всё переносить.

- Я не подумала. Так что же надо сделать?

Арсений всё-таки Наину успокоил. И остерег, чтоб что-то делать впредь.

- Ты каждый шаг со мною обсуждай, пока мы до конца не разберемся. Такая мудрая, казалось бы, царица..... – и совершенно другим голосом спросил, - А, может быть...? Ты очень занята?

- Слагаю из осколков слово ВЕЧНОСТЬ. И жду, когда приедет Петухов.

Совсем не похоже, что он собирался уйти. Хотя от Наины, с трудом, но сумел оторваться. Свет в зашторенной спальне давал ощущение дня, только внутренний ритм диктовал справедливой Наине, что Ухов в пути, и никак не достоин подобной семейной развязки.

- Вставай, Роман Аркадьевич, пора. Мы обо всем с тобой посоветовались. – Наина стала демонстрировать пример, как надо к прозе жизни возвращаться. И параллельно, как для стенограммы, бубнила – то ль поэму? То ли - чушь? - В тот раз ты зародил во мне надежду, что ты сможешь с терапевтом разобраться. Рассказ - созрел, напишем же финал.

Арсений выгнулся, как грозный ятаган, всей позой демонстрируя готовность. Но песню на другой мотив завел.

- Мне женский пол всегда давался без проблем, - и жёг Наину ненасытным взглядом. – Кого захочешь – из бомонда..., просто бабы.... Что мне, казалось бы, ещё одна? Так, что же мы с тобою будем делать?

- Быть вместе. Как вам эта установка? – в окно уже вползала темнота. - Я Ухову сегодня всё скажу. Куда ты отдохнуть хотел бы съездить?

- Мы с пацанами, в те далекие года, когда поляна Абрамовича рождалась, построили не знамо вести что, но Эйфелевой башнею назвали. Так я хочу в Париже посмотреть – а вдруг у нас похоже получилось?

- Давай - в Париж.... Я начинаю представлять, что мы пойдём с тобой в Булонский лес, и, удивляя всех прохожих - целоваться.

Арсений руку приложил к её щеке. И чуть губами прошептал: «Моя Наина».

Артём Васильев долго размышлял, и сделал вывод - рассказать Наине можно. Во-первых, он ей деньги перевёл – она проверит поступление на счёт. Они вполне расходятся друзьями.

Но доктор вспомнил, как она отважна и радикальна в отношении людей. Её уменье не прощать..., и смелость – обращаться к неизвестным. Как появилась на пороге в первый раз! Какая ей потребовалась помощь – химически кастрировать врага. И обратиться, чтоб содействовали в этом? А ей ведь было девятнадцать лет.

« Я расскажу ей об открытии своем. И пусть решает, кто есть на примете. А ей рассказывать кому-то нет резона. И у самой ведь совесть не чиста».

Район Сокольников весь изрубцован швами трамвайных линий – здесь, похоже, эпицентр. От трёх вокзалов до Преображенки, пожалуй, что живого места нет. И все используют пути объезда.

Но в этот день господствовал коллапс. Да так жестоко, что гудели нервы.

Все, кто стремился, одолели этот путь и собрались на улице Гастелло.

Арте́м Семёнович и штат его людей, как и положено, приехали чуть раньше. В двенадцать, но бесспорно раньше всех.

«Зелёный бегемот», почти что следом, приехал, управляемый Наиной – она вела его практически как танк, и многие машины расступались. И только так ей удалось добраться к цели.

Наталья ехала, конечно, не одна. На спецавтобусе, с орлами Петухова. И он ей тихо наставления давал. Она уступчиво внимала, хоть всё знала – он раньше всё ей много раз твердил.

Когда Наина появилась в кабинете, Васильев сразу же причёску посмотрел. Она сколола волосы в пучок, а уши её серьги украшали. И он подумал: «Это же маразм – искать в действительности след от сновидений. Похоже, что меня пора лечить».

- Вы проверяли? Банк прислал вам перевод? - Артём Семенович спросил после приветствий. - А если нужно больше – вы скажите. Я одолжу.

Наина как бы приласкала брошь на маленьком и однотонном платье.

- Банк известил, все деньги поступили. Мы рассчитались, ну а в долг я не беру, - и, неожиданно, спросила, просто так. - А что вы говорили об открытии, которому я в чём-то помогла?

Артём Семёнович намеренно помедлил, чтоб голосом не выдать, как он рад, что вспомнила, сама заговорила. И произнес:

- Да. Есть такое дело.

Наина взглядом выражала интерес.

- Пусть это даже говорить нелепо.... Но, помните - продюсер , «housecleaning»? – Наина брови чуть приподняла. – Я церемонии какие-то отброшу, и буду факты излагать, как всё и есть.

Васильев воздуха набрал, и... понеслось.

- Сотрудник Марта (вы ведь знаете её) подъехала, чтоб вы не «наследили». И всё подчистить, если что не так. И обнаружила в ведре у вашей ванны использованный брошенный кондом, наполненный подсохшей за ночь спермой. Она его стерильною перчаткой в стерильный же пакет..., и - привезла. Я соскоблил и сделал спецанализ. И получился неожиданный эффект. Вы, если помните, «Декапептил», пройдя через вторую группу крови (такая у продюсера была) успел начать распад тестостерона и в сперме этой (для продюсера – последней) был изменен биологический состав.

- Да что ж такие мерзости в рассказе? - Наине было крайне неприятно. – Но – продолжайте. Основное – суть.

- Лабораторные анализы – одно. Я зарядил испробовать на крысах. Все как одна достигли сверхблаженства, в нем пребывали пару-тройку дней. Ну а потом спокойно околели.

- Артем Семёнович, типун вам на язык.

- Не надо морщиться, Наина, от науки. Я дал лекарство пациентке-человеку, ей оставалось жить не больше дня – чудовищные раковые боли. И результаты превзошли все ожидания. Она конечно не могла не умереть. Но - с остановкою. Не так всё было быстро. Боль, как я дал ей препарат, прошла совсем, и не вернулась к ней до самой смерти. Она счастливой прожила почти три дня. И отошла с улыбкою блаженства.

- Я вас боюсь, Артём Семёныч, вы - маньяк.

Но он не прерывал повествования, и приходилось слушать этот бред.

- Я донора нашел с такой же кровью, взял сперму для лабораторных нужд. После реакции с «Декапептилом», дал отстояться в вакууме день. Что получилось - я опять на крысах. Какие стадии безумного блаженства они перед кончиною прошли!

Наину будто молния пронзила.

- Да так же Ольга Ведунова умерла! Без болей и весь мир благословляя.

Артём Семёнович давно уже узнал, какой у Уховой аналитичный ум.

- Аркадий, бедный, очень не хотел, чтоб Ольга без него здесь оставалась. А он уже от рака уходил.

- Вы... продали ему?

- А что же делать? Он перед смертью основал прекрасный фонд. И я так думаю, мое и ваше имя должны названье препарату дать. И, если раскрутить, как некий бренд для самой элитарной клиентуры, вам будет доля от дохода....

Страшный вопль, наполненный и болью, и мольбою потряс пространство кабинетных стен.

- Что..., что такое? – и Артём не мог понять, что жуткое здесь рядом происходит.

Крик зазвучал на этот раз сильнее. Наина реагировала сразу:

- Да это там, за этой вашей дверью.

Васильев бросился на крик, Наина – следом. Но убедилась, чтобы брошь не потерять.

В соседней комнате, массажном кабинете, просторном, с занавешенным окном, уже носился неизменный секретарь меж обнаженной девушкой, оравшей на кушетке, и волосатым голым мужиком, маскировавшим банным полотенцем эрекцию мужского естества.

- Так значит, вот какой волшебный доктор! - не часто слышишь, чтобы так могли кричать. – Мой папа, он вас точно всех засадит. «Волшебный» доктор.... Тьфу, публичный дом.

Девицу видимо такая злость взяла, что всех вокруг поубивать хотела. Но крик и так разил всех наповал.

- Я приходила к вам, я только обратилась, поскольку вы большой специалист, - о, боже, как хватало сил кричать. – Теперь я знаю, что это такое. Милицию, милицию сюда!

Забарабанили: и в дверь из коридора, и глухо били во вторую дверь. Мужчина было кинулся одеться, но оскорбленная девица не дала.

- Ломайте двери и меня спасите. А ты, мерзавец, сядешь у меня, - её пытался удержать охранник, который также был и секретарь. Но в этот миг дверь как-то отскочила, и кто-то в маске крикнул: «Всем стоять!»

По коридору, там, где главный вход, пришли к дверям Васильевской приемной дежурный менеджер – работник «Института», и комендант - начальник разных служб. Конечно, крики всех насторожили. А тут ещё как будто бы ОМОН – два стража власти – автоматы на груди, и в форму упакованные круто – блокировали доступ в помещение, всё контролируя сквозь прорези для глаз.

Сотрудников, а также пациентов, из кабинетов выгнал интерес - кого же это так арестовали? И комендант хотел узнать, что происходит? На все вопросы дал ответы капитан, возникший из заблокированной двери.

- Кто из начальства будет – подойдите, - рванулся менеджер и вышел комендант. – Вы прикажите всем вернуться на места. Скажите – плановые действия ОМОНа. А женщина кричала – испугалась. Мы здесь закончили и забираем всех. А кабинет придется опечатать.

Он запер кабинет и опечатал. И, взяв омонцев, прошел сквозь коридор. Всех действующих лиц внезапной драмы отправили через обратный вход. Васильев только и сказал секретарю, да мужику, которого одели:

- Я тут же вызываю адвоката. Я... не позволю... это произвол. И мы сегодня же уедем из России.

Артём Семёнович поехал «первым классом». Его засунули в «Фольксваген Транспортер», где хоть какой-то вид на белый свет был только из водительской кабины. В глухом, почти багажном отделении - Артем Васильев, в масках два бойца. И он не смог понять, что происходит. Единственно, что всё не хорошо.

Наина не смотрела, как грузились, она задумчиво к «Infinity» пошла. Её догнал, чтоб проводить, Арсений.

- Ты все услышал? – она брошь уже сняла и медленно Роману протянула. – Живут, пыхтят, и убивают нас. «Волшебный, дорогой....». Ты как поедешь?

- Не только слышал, но и записал. Теперь на базу, с эскулапом разбираться. Пора закончить эту дребедень.

- Ну ладно, разберись и позвони. Я Ухову вчера уже сказала.

- Так значит на носу у нас Париж?

Наина видела, что он почти летел, как будто окрылённый перспективой. Так херувим порой слетает в Notre Dam.

Арсений, следом, подошёл к Наталье. Она хотела одобренья, и – домой. Так много силы отняло искусство.

- Какой же Сарой, всё-таки, Бернар, ты современникам себя представишь скоро, - мужчина знал слова для похвалы. – Да ты совсем измучилась, бедняга.

- Я по системе Станиславского сию. Ты должен видеть, до чего я ослабела. А только стоит музыке начаться... - и было видно, что готова в пляс - А как бы посмотреть, что получилось? Ну, то, что ты на камеру заснял? Ведь ты мне дашь, чтоб я нашла ошибки?

- Но это не кино, а компромат. И видеоархив у нас по делу.

- Сниматься для архива мутных дел? Увы, неблагодарное занятие, - и тут же, вспоминая, оживилась, - Как секретарь просил лекарство выпить! Но ты категорически сказал.

- Я знаю, как они лечить умеют. Из рук Васильева опасно что-то пить, - и стал прощаться – время подгоняло, – ты едешь с Леонидом, видишь ждёт. Малышка, девочка, а умница большая.

- С умом таланту как-то веселей.

В кафе создали видимость уюта. Но музыкальный фон «для настроенья» всё время нарушал «Attention, please». И, те – встречались. Эти – расставались.

- Я не считаю, что ты был в гостях, - Анжела любовалась младшим братом. – Ты только посмотрел, как я живу. А в гости – это минимум на месяц.

- И что я папе с мамой расскажу? Анжела – русская, в Москве едят «Хот Доги»? – Луис упрямо головою покачал. – Я расскажу им, как ты счастлива с Денисом, и что к нам осенью приедет Красота. Так на испанский переводится Наина.

- Смотри, какие я подарки привезла, - Наина искренне старалась угодить, - тебе..., тебе..., для мамы. Младшим братьям....

Луис настолько вспылал к косоворотке, что захотел надеть и в ней лететь. И красная рубаха на парнишке смотрелась, будто он родился в ней – так впечатляло сочетание цветов. Копна волос, чернеющих, как смоль; зрочки, как яблочко, на белизне мишени; оттенок кожи – ну, почти, что эбонит, и зубы, как реклама для дантиста – всё это демонстрировал Луис.

- В красной рубашоночке, хорошенький такой, - не удержалась, и пропела им Наина.

Анжела всё-таки с сомнением смотрела.

- Ты будешь очень яркий для Нью-Йорка. А там такой, должно быть, криминал.

- Я буду говорить всегда « Excuse me». Excuse, New-York. Но я люблю Москва.

Зона отлета поглотила брата. Как и приехали – обратно - на такси. На русском и французском языках открытая душа сибирских руд надумала подруге облегчить грусть расставанья в итальянской песне.

-Когда, - тихонечко Наина напевала, - из своей Гаваны уплыл ты вдаль....

Анжела спела:- La paloma, - тяжкий вздох. Потом – adieu, и почему-то зарыдала.

Такси из Химок въехало в Москву.

Двух ассистентов из Васильевской бригады убрали до решения проблем – не надо, чтоб без доктора светились. Секс-менеджер не нужен был совсем, а секретарь, при веских аргументах воинственно настроенных людей, исполнил всё, что от него хотели. Что, впрочем, не составило труда. Второй, столь же спортивный секретарь, сегодня нёс дежурство по отелю – там видно было что, за чем смотреть.

И секретарь, задержанный ОМОНОм, под строгую диктовку Петухова, коллегу из отеля известил, что у Артём Семёновича очень срочный вызов. И Томаса (предел мечтаний дам) они с собой сегодня забирают.

- Мы, видимо, поедem на три дня. И с выездом в имение хозяев, - мужчина этот скупомысленно излагал. Такие обстоятельства случались - Артём Семёныч мог уехать, хоть куда. – Хозяин выехал, за ним шофёр приехал. Мы едем следом. Там мобильный не берет - так приглашающие нас предупредили. Сегодня, значит, можешь отдыхать. А завтра, если что, тебя разыщем. Швейцарию по графику проверь. И, если есть проблемы, завтра скажешь, - он на Арсения смотрел, не отрываясь, чтоб среагировать, уж если что не так. Тот показал, мол – «говоришь, что надо». – Ну, всё. До скорого, - закончил секретарь.

И был упрятан, как и Томас, за решетку.

Арсений не был новичок в своей работе. Он полагал, что скрупулезный, медленный подход к последней точке – получению денег, всегда пророчит лучший результат. Но вот, сейчас, уже у врат Парижа, он ни секунды медлить не хотел. Васильев уместился на ладони. Его прихлопнуть или сдать властям не представляло никакого интереса. Артём Семёнович, как денежный мешок – вот кто был интересен Петухову, Нарыв, в котором столько много денег, что надо вскрыть решительной рукой.

И он сидел, невзрачный маленький слизняк, перед Арсением - на стуле, у стены, и так уперся в нежелании делиться, что нес абсурд, что денег нет совсем.

- Вам Ведунов всё завещал, когда с женою....

- Я говорил вам – это деньги фонда.

- Вам срок большой от этих двух смертей.

- Есть адвокат, и никакого срока.

Арсений начинал терять терпенье. Таких вот, гаденьких, он очень не любил – прицепится, как клещ, смертельной хваткой. И всё высасывает – деньги, и здоровье. И волю к жизни отнимает у людей.

Но не было задачи - наказать. Вот, деньги отобрать – другое дело.

- В реке, быть может, только по весне, найдут, иль не найдут - раздутый труп. Раздетый, изуродованный, жуткий. А о Васильеве пожмут чуть-чуть плечами, поищут, успокоятся – пропал. И только лишь Катрин, родная дочка, всплакнет немного об исчезнувшем отце.

Арсений видел, как Артём переменялся. Он задрожал и нервно корчил рот.

Часы показывали девятнадцать сорок. Арсений мог ещё немного рассказать.

- В Париже учится немало иностранцев. И есть такая девушка – Катрин. Она способная, и учится серьёзно. Чтобы порадовать любимого отца, - и тут вещатель выдержал момент. - Но сколько в этом городе людей! Кто будет помнить юную студентку?

Артём Семёнович промолвил: «Прекратите!». И зазвонил мобильный телефон Васильева, давно уже изъятый. Артём Семёнович не мог не опознать.

- Ваш затрезвонил, - рассказал Арсений, - Сейчас посмотрим, кто бы это мог? Хм, непонятно, но, как будто, код Парижа. Неужто дочка - услышать отца?

- Послушайте, мы с вами всё обсудим, - Артём Семёнович почти что умолял, - я Кате не ответить не могу.

- Но, только - слово, или четверть слова, что где-то, с кем-то, что-нибудь не так!

- Да не держите вы меня за идиота....

И состоялся беззаботный разговор.

- Да, что ты, папа, долго не подходишь? Ну, расскажи мне, как твои дела?

- Нормально, - он старался не дрожать, - как раз я только о тебе подумал...

- Я тут теперь с российскими друзьями, - Артём напрягся и сильнее задрожал. – И ты теперь повсюду знаменит. Они с твоею пациенткою знакомы, - и в трубке слышалось: «Борис! А как зовут?», - вот, он сказал – привет Наине Львовне.

- Да-да, конечно, абсолютнейший привет, - Артём почувствовал, как он заговорился. – А эти русские, откуда у тебя?

- Мы познакомились, и я их поселила. Пока ещё отсутствует Николь. Ты сможешь с ними встретиться в Москве? Тогда я передам тебе подарок.

- Да, милая, мы встретимся ещё, - волнуясь, путаясь, коверкая слова... – Какая, извини, плохая связь.... Но как же ты сама там проживаешь?

- Я, папа, тебе завтра позвоню. Мы в город едем, я им обещала. Так, значит, я могу твой номер дать? Пока, родимый, я тебя люблю.

- А кто, хотя бы, позвонить мне должен?

- Друзья Наины Львовны из Парижа.

Артём Семенович с трудом сидел на стуле. Дрожь вылилась в холодный пот на лбу. Глаза закрыл, как перед важным стартом. И прошептал:

- Давайте начинать.

- _____

Отколлектированный терапевт Васильев не стал цепляться за любой кусок. Арсений его вытряс очень сильно, но тот был счастлив, что не до конца. Любовь к Катрин была так беззащитна!

Наутро совершили перевод. Арсений выяснил, что деньги поступили. Тогда Васильева отправили под душ. Чтобы пришел в порядок - мыться, бриться. Костюм, и галстук – всё чин-чинарём. И терапевта отвезли в отель.

Возможно к радости того секретаря, что с Томасом его встречал у входа.

Психолог возвратился в этот мир.

Пришлось увидеть, что настала осень. Не та, что ненавистна непогодой, а трогательно грустная пора, когда душа не верит в увяданье, а время начинает брать своё. И всё красиво в уходящем лете, но на ветвях пожухлая листва. И утомлённая орбита солнца не достигает прежней высоты.

Наина Ухова была готова ехать, но Глеб не то, что оказался не готов к такому шагу от уступчивой супруги – он просто ей отказывался верить.

- И, что ты вдруг куда-то собралась? Скажи мне, что не так, и я исправлю.

Наине приходилось думать вслух.

- Мою судьбу? Мою любовь? Свободу?

- Тебя не содержали взаперти.

- Но мне не нужно жизни «с позволения». Ты лучше успокойся и пойми.

Глеб больше часа что-то думал в кабинете. Но, вероятнее всего – переживал. Он вышел, озабоченно серьёзный.

- Ты делай, ради бога, как решила. Такая значит вышла недолга.

Наина позвонила Петухову, ему ведь тоже приходилось объяснять.

- Я Глебу помогу и мы уедем. А как с Васильевым он должен говорить?

-Что капитал хотят друзья Наины Львовны.

Заставить Ухова открыть глаза - оправданно не легкая работа. Пришлось пуститься даже на шантаж: «Не будет так – я сразу уезжаю!». И он Васильеву сказал, чего он хочет.

- Друзья Наины Львовны так хотят.

Тот всё вернул, за вычетом процентов. Артём Семеныч уже в меру оклемался, и начал думать о Наининых друзьях.

- Ты можешь перед тем, как уезжать, со мной сходить на важную тусовку?

Рейс отправлялся в понедельник утром, и отчего же было не пойти?

« Последний раз.... Dernier chanson в последний раз».

Сбор был в одном из небоскрёбов Сити, в районе самых верхних этажей.

«Чтоб чувствовалось наше превосходство – мы выше и бесспорно лучше всех».

Наина Ухова блистала, как всегда – сюда все женщины для этого съезжались. Рок-музыкант, прекрасный музыкант, пел по-хохлацки специально для Наины.

- Я, твоя, твоя, твоя модель; Ты, моя, моя Коко Шанэль....

Оставив Глеба (он нашел с кем говорить) Наина отошла взглянуть на город. И, оказалось, что приехала не зря.

Она увидела особую Москву, не изнутри, а с птичьего полета. Она не знала, что настолько прижилась, чтоб про Москву сказать – родные стены. Хотела прошептать: «Я буду помнить», но получилось: «Не забудь меня».

Она неспешно расстегнула сумку – не отвечала, и звонили в третий раз. Анжеле не ответить не могла, и сразу же спросила что случилось.

И не сдержала стон: «Не может быть!».

Анжела подтвердила – это правда, и продолжала что-то говорить, но женщина уже стремилась к мужу.

- Я уезжаю.

- Что это? Куда?

Наина только бросила: «к Анжеле». И убежала, и надеялась узнать, что жуткое известие ошибка.

Погиб смешной улыбчивый Луис.

Анжела, беспокойная душа, старалась, чтоб Луис не заскучал. И чтобы не пропал в чужой столице. Она с ним находилась постоянно, везде водила, говорила обо всем. Однажды, в ресторане на Арбате, так получилось, что беседа замерла. И, как бы вдруг малыш не заскучал, Анжела рассказала про тайник. С сокровищами, в доме генерала. Всё-всё припомнила, и - немощные старцы, и этот нигер, сторож на дверях. Лепнина в спальне, стрелы купидона. «И, вот бы, - говорила, - нам достать!». Луис, конечно, (семь пядей во лбу) из Рио до Сан-Паулу доехал. И получил от негра пулю в лоб.

Анжела встретила подругу вне себя.

- Откуда знаешь? – очень тихо, чтобы успокоить, Наина постаралась говорить. И в той вдруг наступило понимание, что убиваясь горю не помочь.

- Полиция звонила в турагентство. Ведь он со всеми документами пошел, - креолка горько утирала слезы. Они ей помогали вспоминать, - Я думала тогда – какой весёлый! Мы шутим и малыш играет роль. Он и не вышел из ковбойских фильмов. Бандит бандитом: «Негритоса дайте мне. Мне, тоже чёрному, с ним легче разобраться». В твоей рубашке.... Мама ездила за ним.

И обе плакали, и было отчего. Прошел порыв – срываться, срочно ехать....

Утрата остудила – не догнать.

- Я не читаю дамских детективов, как не смотрю индийского кино, - Арсений положил на край стола полсотни распечатанных листков. – Но я люблю Рупскую, как сестру. Местами кажется, что ты ей диктовала.

- Ты просто переключал страницы? А я-то думала – и что ты там затишь? – Наина медленно обтачивала ноготь. – Я написала специально для тебя. А, может быть – потомкам в назиданье.

- Мы же решили, как нам дальше жить.

- В «Благих намерениях» попадают в ад.

Арсений захотел немного выпить.

- Ты будешь? – отрицательный ответ.

«Такие руки носят добрые врачи», - Наина оценила результат на восемь баллов.

Она безжалостно рассталась с волосами, чтобы не мучиться среди путей-дорог. Подстриглась чуть длиннее Петухова.

Они готовились сегодня уезжать. Наина сбрасывала бесполезный груз – вид светской львицы, пустоту воспоминаний....

- И все записки, и ненужные цветы....

- О чём ты?

- Ерунда. Заговорила. А ты не чувствуешь, как исчезает связь с реальным миром через хаос впечатлений.

- Куда мне. Я задрипанный вахлак. Тебя замучат – что вы нетопыря взяли?

Но взгляд Наины и под панцирь проникал.

Воспоминания тускнели, обречённо. Луис, действительно, не очень был умён. Да, и Анжела.... Похитители алмазов.... Наталья Балк, как Станиславский – убивалась Теперь во ВГИКе.... Взять с Гастелло эпизод, про избиение голого литовца, на «Оскаре» за роль второго плана....

- Ну, что, поедем, Абрамович - Петухов.

Какого чёрта, кто сказал, что уезжают? Они летели, чтобы взять разгон. Задумали пройти сквозь карантин, и выйти взрослыми богатыми людьми - глаза в глаза, рука в руке, плечо к плечу. И – далее, по каждой части тела.

Вез Леонид.

- Когда обратно?- говорит.

- Не знаем, – отвечали хором.

- Так значит скоро.

И оказалось - Петухову всё равно. Париж ли, или что-нибудь другое. Арсений откровенно грустит.

- Я совершенно не такой, как остальные. Мне, как у Пушкина - «и вечные французы». Я тут иду с тобой, отверженный нацмен. И – тянет.... Не скажу – с души воротит. Я не дорос.

- Как до Рупской?

- Ну, да. Почти.

- От разрушительной, закостенелой лени мозгами не работает Арсений!

-Ты обещала!

- Я уже молчу.

Арсений день назад затеял разговор.

- Послушай, - попросил её присесть, - в тебе болтается какая-то ошибка. Тебя заел, как ты сказала, амфибрахий.

- Для справки - пятистопный нерифмованный ямб. Когда по жизни происходит черт те что, и ты пытаешься об этом написать....

- Нет, ты пытаешься.... И главное - выходит. Но говорить на «Амфибрахии» нельзя.

- А что – мешает? Это не специально.

- Но странно, - Петухов договорил. – И в этом, может быть, источник обаянья.

- Тогда терпи....

Борис с Оксаной ждали их в Париже и пригласили встретиться в кафе.

– Так вот какая вы, Наина Львовна!

- Когда меня так называют, я вспоминаю «Крестного отца», - Наина, со своей гаврошьей стрижкой, смогла утратить надоевший светский лоск. Как никогда смотрелась очень юной. Да и исполнилось ей только двадцать три.

- Так ты «посеяна» в коллекторских структурах. Скажи – как хочешь. Будем называть, - Арсений был веселый и счастливый. Здесь, под каштанами, был уголок России. – Борис, Оксана.... Я – Роман, и....

- Просто Кира. Как сокращенное от имени Киржач.

- Отлично, Кира. Рассказала бы ребятам, кто с ними во главе стола сидит.

- Дон Карлеоне....

- Это – бывший ты. А я теперь хочу о настоящем.

Французы – удивительный народ. Они как бы в упор не замечали, как выступает русская братва.

- Ну, хорошо. Роман - хозяин края. Известный вам Арсений Петухов.

- Дошел до края, - тихо пискнула Оксана. – И где это по карте отыскать?

Наина думала, что хватит балагурить.

- Он землю под Владимиром купил. И будет молодёжный город строить.

Борис с Оксаной удивились – ну и ну? И, почему-то, разом предложили.

- Давайте познакомим вас с Катрин. Хорошая французская девчонка.

Васильева как раз вернулась с лекций. И предложила русским заходить.

Наина моментально оценила категорическую разницу с отцом. Арсений тоже про себя отметил: «Как хорошо, что ты росла отдельно. И дальше может не оставит Бог».

Катрин схватила трубку – ей звонили.

- Да, папа. У меня Борис с Оксаной. Да и Наина Львовна подошла. Ну, ладно, я конечно передам. А ты смотри, не очень нагружайся.

Настолько лаконичный разговор.

- Он извиняется, его перехватили. Он очень рад, что вы ко мне пришли.

- Мне кажется, что и друзьями будем, - Наина искренне сказала, и тепло. – У нас ещё два дня Парижской жизни. Давайте вместе сходим в ресторан.

Друзья отца понравились Катрин. Но у неё уже пошла учёба. Поэтому сказала:

- Может быть. Давайте, вечером мы можем созвониться.

И русские отправились гулять.

Катрин немного удивилась на отца. Но никогда бы не спросила – почему? Слова родителей считались, как законы.

Он позвонил, но разговаривать не смог. И ждал звонка, когда гостей проводит.

Когда он услышал про ресторан, то не раздумывал: «Иди, конечно. Ты предложила бы японский на Монмартре. Там так уютно. Все в отдельных кабинетах за счёт развешенных панно из тростника».

- Тебе видней, что им поинтересней.

- Но ты не вздумай рассказать, что это я. Ты – парижанка, всё сама отлично знаешь. Когда задумали?

- Я приглашу на завтра.

- Вот молодчина. Позвони, что вы решите.

Катрин подумала – какой отец хороший! Васильев думал, что Катрина молодец.

Они в Париже были третий день, и Рома наконец-таки признался:

- Я, Кира, до того люблю тебя, что ты собою город заслоняла. Что мне Монмартр, что Эйфелева башня, когда изнемогаю от любви? И мне так кажется, что чувства стало больше. Оно порой над городом парит. И лишь тобою заполняет атмосферу.

- И херувимы залетают в Нотр Дам, чтобы пропеть нам свадебные гимны. И видят, как и я тебя люблю.

Случайно обнаружили музей – про «Мармоттен» им было неизвестно. Здесь не было такой толпы людей, что повседневно осаждала Лувр. Они поплыли сквозь прохладу залов, послушно двигаясь, куда несет поток.

Художник, зная, вибрировал мазком, чтобы создать иллюзию дыханья. Но полотно давало зрителю рассвет, каким он мог любому представляться, кому даны минуты просветления.

- Вот Кира, отыскали наше солнце. Его восход – не от движения земли. Он возникает от движения души, которая уже стремится к свету. Я буду наблюдать его везде, и сохраню в своем горячем сердце.

Наина расцвела, как на премьере, и пригласила: «Автора на сцену».

Так в жизни этой необычной пары внезапно появился Клод Моне.

А время подгоняло уезжать. В Россию, во Владимирскую область. Коллектор выбил деньги на мечту, и он хотел её в реальности увидеть.

Катрин Васильева исправно позвонила: «Я приглашаю вас в японский ресторан». Назавтра предстоял последний вечер, да и тем более Наина предложила с французской русской время провести.

- Мне отчего-то её хочется утешить, - задумался могучий Петухов. – Но разве это повод к состраданью, что ей с папашей мало повезло?

- Не философствуйте, товарищ Петухов. Пора закрыть «Васильевское» дело. И вспоминать о симпатичной дочке, чем морщиться при имени отца.

Они накупали сувениров – для новых встреч, для будущих друзей. Арсений смог найти «Восходы солнца», четыре копии у юных Модильяни. Любой художник на потребу иностранцам писал с полотен импрессионистов – набили руку, набивали кошельки. Наина проводила параллели.

- Всё не случайно в этом мире под луной. Ты, Арс, теперь фанат «Восхода солнца». Катрин нас приглашает в ресторан. И не какой-нибудь, а именно японский.

Арсений слушал, но не понимал.

- И что здесь не случайного такого?

- А как ещё Японию зовут?

- Тогда конечно, если - в этом смысле.

-Но я так думаю, - продолжила Наина, - что происходит исторический процесс. И скоро все Владимирскую область так поэтично будут называть. Страною восходящего светила.

Париж ворочался манёврами толпы среди реликвий прежних поколений, и аккуратный парк – Булонский лес, за скромностью не утерял апломба.

- У нас, Наина, в тех краях, под Киржачом, ещё не знают многих преимуществ. Немало мест, где побывали все. За нами будущее – все туда приедут.

Катрин Васильева застенчиво влилась в их оживленное прощание с Парижем.

- От полотна пошло название направленья, - сказала девушка, услышав про Моне. – Какой-то критик в них увидел негатив. Сказал, с презреньем: «импрессионисты». Под этим именем они вошли в века.

- Такая есть привычка у людей – всё необычное намеренно охаять, - Арсений мучился (японский бог!), от скверной сути человеческой породы. И, незаметно, вышли на Монмартр. В том плане, что они бульвар не знали, а их вообще никто не замечал.

Катрин казалось - русские грустят, а почему – ей было непонятно. Зачем сыр-бор весь этот городить с заведомо ненужным рестораном? Но уговор, как ни крути, дороже денег. Их встретили у входа: «Комбан ва».

- Что говорят? И всё у них с поклоном, - чуть тронул грусть японский колорит.

- Я думаю, - а что ж ещё, Катрин? - что девушка сказала: «добрый вечер».

- Уи, бон суар, - обрадовалась гейша.

- Мы под Владимиром такое же устроим, - сквозь грусть заулыбался Петухов. – Давайте заходить и веселиться.

Японские народные мелодии, по большей части – для щипковых инструментов, дарили Impression об их стране, загадочнее многих на востоке. Большие тростниковые панно разметили пространство на отсеки, где посетители могли бы созерцать лишь тех, кого хотели бы увидеть. Национальные костюмы и прически, и колоритный театральный грим, давали европейцам впечатленье, что этих женщин, а скорее, даже кукол, наштамповали, как приманку для гостей.

Арсений суши ел и в Киржаче. Но не хранил о том воспоминаний.

Катрин прикинула и сразу же решила, что на полу им лучше не сидеть, как это делают природные японцы. «Сначала дома надо научиться, чтобы удобство в этом находить».

Казалось, что японский дух витал, но в одомашненном, чуть-чуть французском виде.

- Если возможно - эскюзе Катрин, что вытащили вас на эту встречу. Но это по велению души, - Наина искренние чувства выражала. – Мы едем начинать другую жизнь, и встреча с дочерью «волшебного» отца для нас, тут нет сомнений, символична.

- Я приеду в Москву по весне. И хотелось бы встретиться с вами.

- Мы поведем тебя в японский ресторан, - воспрянул молчаливый Петухов. - Учитесь палочками поедать сашими.

Треск болтовни Наине надоел.

- Разлей Саке, и выпьем за знакомство.

Гостеприимный теплый алкоголь топил причины непонятной грусти. Но всё-таки ещё не до конца. Арсений, непонятно почему, терзал Катрин, ей открывая душу.

- Нас мучает сомнение, Катрин, что мы уж больно сильно замахнулись, - вслух рассуждать пытался Петухов. – А все сомнения – застойное болото. Но даже очень светлые умы....

-.... не мелют чуши в радостном застолье.

Наина прекратила излишня, непринуждённая беседа потекла.

Но телефон не дал покоя Катерине. Она поговорила по-французски, и извинилась, что придется уходить.

- Приехала знакомая литовка, и через час уедет в Лиссабон. Мама прислала с ней какие-то подарки. Мне надо к поезду, Николь передала.

- Досадно, что так мало посидели.

- Вы продолжайте, здесь так хорошо. А ты Наина говорила про Шанель? Тут два шага, пойдем со мной, посмотришь.

- Ты не соскучишься за несколько минут? – Наина Львовна, было видно, колебалась. - Я только посмотрю, как отыскать.

- Какая скука, если столько гейш? - кивнул Арсений отвлеченно, в воздух. - Но может быть тебе не так уж надо?

Наина на секунду замерла, но поднялась с французенкою вместе.

- Я очень скоро, – и они ушли.

Скучать Арсению буквально, что не дали. Три красавицы в японских кимоно за ним ухаживали, будто за султаном. Одна с поклоном тазик подала с какой-то ароматною водою, чтоб господин в ней руки освежил. Вторая - все закуски поменяла, и Петухова стала угощать. А третья, видно – главная у них, повыше ростом и уверенней в движеньях, заведовала выдачей Саке и принесла её в другом сосуде. Сказала ему: «Дозо, монсеньор», и грациозно предложила выпить. У Арса не было причины отказать.

- И вправду, вкусно, - он всю «чарку» осушил.

Японка вся искланялась: «ВАСАРТА». И Арс подумал – это сорт Саке.

_____ -

А девушки, лишь за угол свернули, Катрин Наине показала на бутик. Без всякой вывески, со скромным чёрным платьем в окне витрины....

- Вот - Коко Шанель.

Катрин простилась и уехала на встречу. Наина всё-таки зашла на пять минут. Купила блузку и вернулась к Петухову, надев обновку как последний сувенир.

При лаконичной строгости покроя чёрный блузон имел парадный вид, и сделал появление Наины, как бы царицы на придворный бал. Арсений даже встал от восхищенья. И так услышал он Наинины слова.

- Этот наряд – конец моим сомненьям. Коко Шанель не стала бы Коко, когда бы на секунду сомневалась. Её уверенность к победе привела. Я вижу, ты уже распорядился?

Не ясно, что стояло на столе, но вид и ароматы впечатляли.

- Все кланялись и говорили «Дозо», - Арсений пересказывал взхлеб. - И гейша принесла ещё Саке. Я пробовал и выпил – очень вкусно.

- Налей и мне, я теплое люблю. Я предлагаю - исполнение желаний.

- Прекрасно. Ради этого – до дна.

Напиток был не крепкий и приятный. Наина смаковала, не спеша.

- А этот вкус как будто бы другой.

- У них ведь разные саке, в ассортименте. И гейша называла мне – «ВАСАБИ».

- Ты спутал. Так японский хрен зовут.

- Возможно, - не то время, чтобы спорить.

Панно, делившие весь зал на кабинеты, ему казались стенами дворца, а монотонность простеньких мотивов звучала, словно музыка богов. Он видел в будущем такие перспективы, что от масштабности захватывало дух, и представлял себе пути осуществленья.

- Наина, о Наина, боже мой! Какое счастье, что мы повстречались! Ещё Саке? Божественный нектар.

Любовь вполне заслуживала тоста, и ей во славу выпили до дна. Крещендо чувств вело к такому форте, что от волнения захватывало дух.

Опять явилась ласковая гейша, чтобы узнать, не нужно ли чего. Наине что-то показалось в ней знакомым, но только промелькнуло в голове. Не время думать о какой-то гейше, когда дождались праздника души.

- Скажите, как вы это называли? - с поклоном обратился Петухов к непроницаемой фигуре от Кабуки. – Да где же ей по-русски понимать? А по-японски, кроме «дозо», я не знаю.

Кувшин с Саке он поднял со стола, и слово «пате» из памяти возникло. Не ясно, что подумала японка, но заспешила мелкими шажками к панно, что отгораживало зал. И, прежде чем исчезнуть, повернулась, и без поклона назвала: «Васарт».

В Наине уже пело торжество такого, приблизительно, накала, как у Чайковского в апофеозе «Пятой».

Хоть память подсказала, если гейшу, переодеть и сбросить маску от Кабуки, то фрейлин Марта может многое сказать. И что «Васарт» родился от «Васьухи».

«Но что набор из слов о подлой мести для новобранцев райской стороны?» - Наина весело и звонко рассмеялась. Ведь ей хотелось всех благословить.

Арсений сгрёб её в охапку и помчались. От повседневных дрызг и суеты. От заблуждений и привычки сомневаться. Благословляя остающихся людей.

Им дали персональный самолёт. Но не малютку, а огромный лайнер с салоном из прозрачного стекла. Стремительно набрали высоту, и вот уже парили над землёю.

- Смотри, Арсений, истребители, как юные дельфины, кружатся возле нашего борта.

- А этот, как заправский заводила, чуть впереди, и что-то пишет в небе.

- И реактивный расплывающийся след уносит эти буквы к горизонту.

- Я прочитал, Наина, милая:

«THE END».

